

ИРИНА КОСТИНА

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Ирина Костина

Перерождение

«Автор»

2026

Костина И. А.

Перерождение / И. А. Костина — «Автор», 2026

Роман «Перерождение» - это попытка осмыслить сложные для нашей Советской Родины годы раскулачивания и репрессий, пережить вместе с не столь далекими предками их растерянность, страх, отчаяние, желание быть нужным Отечеству и безмерную к нему любовь. Как выжить, не сломаться от боли и обиды и воспитать своих детей и внуков в любви – об этом роман «Перерождение».

© Костина И. А., 2026

© Автор, 2026

Ирина Костина

Перерождение

Часть 1. Крым

1. Поминки

- Давайте, родные, за упокой души брата Николая! – Алевтина с Галиной подняли прозрачные рюмки.

– Пусть земля ему будет пухом, – кивнул головой Владимир. Он опрокинул поминальные пятьдесят граммов и пожал руку вдовы брата. - Держись, Нина. Мы есть у тебя, и нас много. Поможем ребят поднять.

- И ты не кисни, Вовка, - вытирая платочком глаза и мокрые щеки, проговорила вдова. – Это же только байки, что близнец близнеца забирает с собой на тот свет! Тут ведь случайность: нервотрепка на работе с подчиненными и с оболтусами, приближающаяся аккредитация в училище. Он очень переживал. Теперь уже без него пройдет. И ничего ему больше не надо. Ничего больше не болит... К тебе это никакого отношения не имеет. У всех своя жизнь.

Нина снова заплакала.

- Да, я понимаю. Просто неожиданно это все, - тихо ответил Володя.

Братья и сестры Карташовы поминали своего далеко не старшего брата Николая, внезапно скончавшегося от инфаркта. Он работал директором профтехучилища. Последние полгода были для него тревожные и хлопотные: переживал за итоговую аттестацию студентов, предстоящую аккредитацию образовательного учреждения, за необходимость ремонта нескольких мастерских, обновление станков, молотивших с довоенных лет, - вот сердечко и не выдержало. Хорошо хоть, дети выросли и почти пристроены.

- Так и не отдал ему долг. Не успел рассказать ему про бабу Катю. Он ведь ждал, когда к нему приеду, ждал от меня новостей о судьбе бабушки, куда и как она сгинула. Я и маме перед смертью обещал, что обязательно найду, где и когда баба Катя похоронена. Только по телефону успел Николаю сказать, что еду с сюрпризом, что мне помогли друзья, договорились с Екатеринбургскими товарищами из архива, что я был там в командировке и еду с новостями. Я все нашел – и в Екатеринбурге, и в Москве, и в Крыму. А рассказать не успел.

- И мы тоже от тебя ждали эти новости. Обязательно надо, чтоб наши дети и внуки знали, чем жили наши деды, как умерли, где похоронены, - согласился Борис.

- Я все привез с собой. Собственно, сумку после Москвы и Екатеринбурга не успел разобрать, так сразу с ней и вылетел снова на Урал. Документы о нашей бабе Кате и других родственниках у меня с собой. Я ж в Крыму был! И оттуда новости есть!

- В Крыму-у -у? – удивилась Галина.

Братья - сестры, зятья, снохи, внуки задвигались по комнате, все устроились за большим столом. Приготовились слушать Владимира.

- Меня ведь на нашей исторической родине, в Крыму, по – разному встретили дядья и двоюродные – троюродные братья. Кто-то искренне хотел вспомнить и рассказать, а кто-то и нехотя, понемногу, в час по чайной ложке цедил. А некоторые насторожились, зная, в каком я звании и что имею отношение к органам. Я уж всяко подчеркивал, что просто журналист, просто редактор. А полковник – это так, попутно. Чтоб не напрягались. Я тут собрал кое – что. Тебе, Борис, интересно будет для твоих повестей.

Борис был младше Владимира с Николаем, писал охотничьи и рыбацкие истории, о родном крае, работал в одном из уральских издательств и был членом Союза писателей.

- Я помню бабу Катю, хоть и малышкой была - сказала старшая Валентина, приехавшая с мужем из Серова. - Мне ведь в тридцать седьмом уже три года было. Помню, как за ней приехали, велели одеться тепло: ватник, валенки. Зимы тогда на Урале были под пятьдесят

градусов, не то, что сейчас – не пойми, что. Она ответила, что валенок у нее нет, и надела высокие татарские калоши, а под них толстые вязаные разноцветные носки. Мама укрыла ее плечи шалью, а бабушка сказала, поджав губы, чтоб не расплакаться: «Я ненадолго. Не переживайте, дети, вот съезжу и вернусь». Никто, конечно, оттуда не возвращался. Я не помню такого.

- Мы бабу Катю не знаем. И на родине ее я давно не был, хоть Крым снова наш, - барабанил пальцами по столу Борис.

- Мама тоже не была в Крыму. После того, как их погнали, да еще со статьей, желания не было. Хотя скучала она. Потом мы, дети, родились. Не до прогулок по Крыму... А как хорошо там, ребята! – протянул Володя. – Мы с Николаем вдвоем собирались в отпуск летом скататься и посмотреть на Новый Крым бабы Катинными и маминными глазами.

Всю свою сознательную жизнь они - внуки Екатерины Ивановны- слышали от своих родителей, что они из раскулаченных. Что надо об этом помалкивать, стремиться жить тихо, не высовываться, чтобы, не дай Бог, на семью не обратили внимания соответствующие органы. Володя не раз пытался расспросить отца с матерью об их жизни до революции, но не получал внятного ответа. Единственное, что было известно, – бабушку Екатерину в злобещем 37-м забрали в НКВД. И пропал человек.

Этот факт еще больше подогревал стремление Володи узнать о судьбах родственников, которые, избежав высылки, остались в Крыму, узнать, за какие грехи была арестована и расстреляна бабушка Катя. Может, без дыма огня не бывает? Что только не бывает в жизни.

Работая в газете, он начал по крупицам собирать сведения о своих родственниках. Это было сложно, но помогала профессия журналиста: где –то архивы открывались, где –то люди становились разговорчивее при виде удостоверения. Сегодня разрушены все барьеры, в том числе и барьер страха. Будучи в очередном отпуске, он зашел в областное КГБ города Екатеринбурга. По его данным, в архиве должны были храниться сведения о Барановой Екатерине Ивановне. Надежды оправдались.

- После небольших бумажных формальностей сотрудник архива принес в кабинет без окон тонюсенькую серую папку с грифом «Секретно».

- Пожалуйста, знакомьтесь с делом вашей бабушки, – сказал он. – Просьба только не вырывать листы и ничего не вымарывать.

- Были случаи? – поднял брови Владимир.

- Конечно, - бесстрастно ответил сотрудник в форме. – И были случаи, когда родственники вычитывали все фамилии, находили тех людей, которые писали ложные доносы и выносили приговоры их родителям, а потом ...выносили бывшим чекистам свои приговоры, устраивали самосуд, лишали жизни их или их детей. Поэтому сейчас мы очень аккуратно даем разрешения на ознакомление с личными делами. Стараемся детям репрессированных документы не давать. А вот внукам – можно. За сроком давности, как говорится.

- Понятно. Фотографировать можно?

- Не запрещается.

Братья, сестры, зятья, внуки склонились над распечатанными с фотографий листами.

- Вот, смотрите, ребята, - Володя раскладывал на столе вынутые из сумки листы.

Перед родней лежало дело № 31245 по обвинению Барановой Екатерины Ивановны по статье 58-6 УК РСФСР, арестованной как агента германской разведки Надеждинским (ныне Серовским) городским НКВД Свердловской области. Наконец-то стала известна последняя страница ее трагической жизни с 18 декабря 1937 года по 14 января 1938 года – с момента ее ареста оперуполномоченным третьего отделения управления НКВД г. Надеждинска Свердловской области Ивановым (имя и отчество не указано) и до осуждения особой тройкой ГУГБ

НКВД по статье 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания (расстрел), который был приведен в исполнение, согласно протоколу №168, 14 января 1938 года.

Санкционировали расстрел начальник управления НКВД по Свердловской области комиссар госбезопасности третьего ранга Александр Дмитриев и прокурор Уральского военного округа бригадный военный юрист Юрий Петровский. На документе под фразой «Согласен» стояла также фамилия начальника Надеждинского ГО НКВД старшего лейтенанта Ивана Трубачева.

Владимир бережно выкладывал листы на моментально освобожденный стол.

- Я пытаюсь представить, что думала наша пятидесяти шестилетняя бабушка в застенках НКВД в те часы, что чувствовала, как вела себя, что на самом деле говорила на допросах. Ведь, согласно протоколу, она созналась в шпионской деятельности в пользу Германии. Рассказала, как встречалась с резидентом германской разведки и получала от него задания. Сначала в Крыму, где жила до спецпереселения, затем уже здесь, на Урале – в глухом лесозаготовительном поселке. Удивительно, но резидент «нашел» ее и тут. Приказал поджигать тайгу, вести среди жителей антисоветскую пропаганду. Никому это не показалось бредом?

- Ну, да. Попробуй не сознайся, когда все кости перемалывают! – ухмыльнулась Галина.

- Поистине, бумага все стерпит.

- Этот абсурд запротоколирован, подписан начальниками и аккуратно подшит в дело. Маразм, который сейчас трудно понять и объяснить. А ведь он длился в стране несколько десятков лет, - рассматривая листы, говорила Алевтина.

- Посмотрите вот эти листы, здесь часть протокола допроса бабушки Кати, это впоследствии и послужило основанием для высшей меры наказания. (Стилистика, орфография и пунктуация сохранены) - Авт.):

Из протокола:

«До высылки на Урал меня и моих детей я выполняла ряд поручений, даваемых мне, (далее вымаранное чернилами имя резидента Германской разведки. - Авт.) контрреволюционного характера. Он мне часто говорил, когда мы встречались, что задания, которые я выполняю, даются немецкой разведкой, и я выполнять их должна осторожно и аккуратно.

В одном из разговоров он мне сказал, что он, начиная с 1925 года, находится на связи с одним известным немецким разведчиком Джековым. Когда в 1930 году меня и мою семью выслали на Урал (опять вымарано чернилами имя. - Авт.) – встречи временно прекратились, стала вести переписку с 1931 года, как я уже сказала до 1935 года. А он до 1935 года проживал в Крымской АССР, а с 1932 года уехал в Германию, затем в Швейцарию.

Из Швейцарии резидент мне писал письма, посылал денежные переводы. (Это в тайгу, что ли? – Авт.). И так до 1935 года. Затем связь временно у меня с ним прекратилась. Причины мне неизвестны, почему он перестал писать и отвечать на мои письма.

По прибытии в ссылку в лесопункт Надеждинского района Свердловской области «Пасынки» я в 1934 году познакомилась и близко сошлась с немкой Розой. Также спецпереселенкой (Фамилия вымарана чернилами. - Авт.). У нас с ней были частые и длинные разговоры на контрреволюционные темы. Мы всячески выражали свое недовольство и озлобление против Советской власти, руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Часто сходились во мнениях, что необходимо вести борьбу с Советской властью и путем насильственного свержения устранить ее. Причем, Роза обращала мое внимание на то, что в этом деле поможет ее родная страна – Германия, которой мы должны помогать.

Я уже помогала практически: по заданию германской разведки совершила три поджога леса на территории Сосвинского леспромхоза, в результате чего выгорела значительная площадь тайги. Вывела также из строя дизель-электрогенератор, который подает свет в дома. Об этом я доложила Эльвейн. (Наконец-то, фамилию Розы следователь не вымарал. Видимо,

просмотрел. – Авт.). После чего она предложила быть у нее на связи и выполнять ее поручения. На что я дала согласие».

- Знаете, - иронично ухмыльнулся Володя, - я представить не могу: сидят две престарелые женщины в таежном, богом забытом поселке и планируют убить Сталина, свергнуть Советскую власть. И все это в ста двадцати километрах от районного центра, где и дороги-то нормальной нет, в пятистах километрах от области и более, чем в две тысячи пятистах километрах, от Москвы.

- А когда это были поджоги, организованные бабой Катей? – удивилась Лидя. – Я не слыхала об этом. А дизель - электрогенератор?

- Ты серьезно считаешь это правдой? – окоротил ее Борис. Лидя прикусила язык.

- Это ж как надо было издеваться над человеком, чтобы он признал эту чушь и подписался под ней... – шмыгала носом Лидя. - И язык какой-то кондовый, топорный. Баба Катя так не говорила!

- Давай продолжу цитировать протокол допроса, - после паузы проговорил Владимир. Из протокола:

«Вопрос: Укажите, какие поручения вы получали от агентов немецкой разведки?

Ответ: Вести контрреволюционную агитацию против Советской власти. Распространять всяческую клевету в адрес руководителей Коммунистической партии и государства. Совершать различного рода диверсии. С тем, чтобы подорвать мощь Союза Советских Социалистических республик.

Вопрос: Вы практически выполняли даваемые вам поручения?

Ответ: Да, я практически выполняла даваемые мне поручения.

Вопрос: Укажите конкретные факты Вашей практической деятельности как агента немецкой разведки?

Ответ: Фактов было много, и я их уже все не припомню...»

- А что за Роза у вас там была? Девки, кто помнит Розу? – Борис повернулся к старшим сестрам Лиде, Валентине и Алевтине.

- Да ты чего, Борис? Какая немка Роза в лесах на Урале? – изумилась Валентина. - Наговорила на себя баба Катя! Роза или Эльза была еще в детстве, в Крыму! А на Урале у нас не было такой знакомой и в помине!

- Вот, бл...! Били ее, что ли?

- А, скажешь, нет?!

Горько было внукам бабы Кати было читать строчки этого протокола полувековой давности, акты обысков, записки фискалов о том, что их бабушка на самом деле не тот человек, за которого здесь себя выдает. Почему доносители среди сотен таких, как она, спецпереселенцев, выбрали именно ее на закланье в НКВД? Чем привлекла внимание эта женщина, у которой на тот момент было четверо несовершеннолетних детей. Тощая папка уголовного дела под номером 31245 должным образом не проливала свет, не давала ответы на все вопросы большой родни. Шпионка – и все тут.

И все-таки ключ к обвинительному заключению их бабушки Барановой Екатерины Ивановны был найден. Правда, через год. Во время следующей поездки Володи в Крым. И эти записки в закрытой папке тоже лежали в его дорожной сумке.

2.Бешкуртка- Вакуф

У Ивана Дмитриевича Непретимова и его жены Натальи в Крыму, в Белогорском районе на хуторе Дорте, в деревне Бешкуртка – Вакуф было крепкое хозяйство, очень богатое по тем временам: несколько коров, два быка, двадцать овец, сорок гектаров земли, хороший сад, усадьба. За хозяйством присматривал работник – крымский татарин по имени Абляс. Он ухаживал за скотным двором, пас овец и коров, поддерживал порядок во дворе, где ходили в

загоне индюки, гуси и куры. Их количество никто никогда не считал. Просто знали – много у Непретимовых всякой живности!

Крымский татарин Абляс был трудолюбивым работником, жил на скотном дворе на сеновале, ел немного, но сытно, одежду носил аккуратно. На сеновале он смастерил себе что – то вроде шалашика. Это были его личные апартаменты. Иван Дмитрич не раз предлагал Аблясу перебраться в одну из комнаток большого дома, но татарин ни в какую не соглашался. Во второй половине дня в уголке усадьбы он выбирал уютное место, расстилал небольшой коврик и молился Аллаху. В это время окружающий его мир не существовал. Он никого и ничего не замечал, шептал какие – то непонятные слова и раз за разом касался лбом земли.

Сыновья Ивана - Пашка и Костя -нередко в эти минуты подшучивали над работником. Пашка однажды взял его высокие галоши, которые стояли рядом, и пустил их по ручью, который протекал ранней весной вдоль дороги мимо дома. Они солидными парходами проплывали мимо соседских дворов, радуя полуголых загорелых пацанов, пускавших лодочки из щепок и палок. Пашка с Костей устраивали морской бой - кидали в них палки и куски глины, пытаясь потопить «вражеские корабли». Летом ручей пересыхал, тогда Пашка придумывал новую забаву: калоши со вставленными палками и намотанными лоскутами в виде парусов болтались в бочке с дождевой водой. Абляс и ухом не вел, не стремился пресечь действия озорника. Молитву прерывать нельзя. После молитвы он ругался на своем языке, тряс кулаком вслед удиравшим ребятам. Работник плохо знал русский язык, но понимал почти все. В другой раз младший из сыновей Митька собрал деревенских ребят, которые во время молитвы татарина бросали в него мелкие камешки из – за укрытия. Абляс и тут вытерпел. Но после завершения ритуала, схватив несколько высохших лоз виноградника, гнался за ребячьей ватагой до тех пор, пока с ноги у него не спала калоша. Грозил кулаком вслед пацанам и ругался на своем татарском языке.

Одеждой Абляса был набор взаимозаменяемых предметов. Рукава рубашки, френча, телогрейки, полушубки, штанины брюк крепились к основному, «базовому», как сейчас говорят, элементу одежды - жилету - отдельными ремешками. Рукава и штанины он пристегивал и отстегивал в зависимости от того, какая погода стояла на улице. Ребята и тут проказничали. Забирались к нему в шалашик, вытаскивали из мешка его одежду и обрезали ремешки. Абляс стоически терпел проказы пацанов и вновь и вновь пришивал ремешки. К чести, никогда не жаловался на проделки детей хозяину, Ивану Дмитриевичу.

В воскресенье вся большая семья Непретимовых собиралась за столом в садике. После ужина старенький дедушка обязательно разрезал большой арбуз. Спелый плод лопался в его руках, рассыпая брызги сахарных коралловых крупинок, попадавших счастливым ребятишкам на нос и на щеки. Они слизывали их с губ, облизывали руки и смеялись. Катеньке как самой младшенькой часто доставалась сахарная серединка. Она быстрее всех съедала ее и просила разрешения принести другой арбуз.

- Давай, неси! - улыбался дед. - Разрежем!

Девчонка пулей летела во двор и ныряла в подвал. Там на специальном стеллаже, сколоченном отцом, лежала гора спелых арбузов разного размера. Катя выбирала средней величины ягоду и спешила к столу, и ей снова доставалась сахарная серединка. Вкус арбузов навсегда остался вкусом детства и защищенности, ощущения заботы и тепла.

Наталья баловала ее, как сказочную принцессу, и каждое событие обыгрывала, как сказку, как чудо. То новое платье ей сказочная фея принесла, то ленточки волшебная птичка оставила.

В марте – начале апреля случилось одно маленькое чудо, вызвавшее в Катеньке ощущение счастья.

- Мама, аисты прилетели! Аисты! - Катя вбежала в дом. - Птицы поселились на нашем тополе.

Наталья и Коська выскочили во двор. На вершине тополя, в гнезде, на ярком фоне заката мирно стояли две великолепные птицы. Изящные, с острыми клювами, ослепительно белые, лишь по кромке крыльев - черное торжественное оперение.

Аисты прилетали каждый вечер. Катя выбегала во двор и любовалась этими прекрасными птицами. А когда пыталась подойти ближе, аисты настораживались, замирали. Замирала, переставая дышать, и Катя, боясь их испугнуть.

Он и Она... Семья... Два любящих друг друга существа. Они беспредельно высоко от земли, от людей, от всего мира. Им хорошо вдвоем, а все остальное для них не существует. Быть высоко, вдвоем - вот счастье!

Катя с завистью смотрела на то, как подруга заботливо перебирает перья на крыльях суженого, как он, лишь услышав пугающий звук, каждый раз настораживался в готовности защитить ее. В эти минуты на душе у девочки становилось легко и радостно.

Однажды пошел сильный дождь. Сверкала молния, а вслед за ней - гром. Ливень был такой, что буквально в метре невозможно было разглядеть предмет. Потoki воды помчались по улице, размывая дорогу в кашу, угрожающе стучали по крыше, в окна, в двери, пытаясь распахнуть их. Катя подбежала к окну и закрыла створки. В это мгновение гроыхнуло так, что содрогнулись стены и звякнули стекла. Она подумала: «Как там аисты? Живы ли? А вдруг молния ударила в дерево и убила их?» Но выглянуть не решилась.

Ранним утром она с волнением вышла из дома. Гроза миновала, будто и не было ее вовсе. Только прозрачные лужи и вязкая, как манная каша, почерневшая от сырости земля напоминали о вчерашнем ливне. Она посмотрела на птичью гостиницу. Аисты спокойно и величаво стояли на фоне голубого неба, а восходящее солнце играло первыми лучами на их белых, словно вымытых одеждах. Всем своим детским существом Катя почувствовала, что от аистов исходит неимоверная сила жизни и уверенности: вдвоем можно победить любые невзгоды, преодолеть все тяготы, которые встречаются на пути! Казалось, того, кто любит и любим, обязательно уберет судьба.

Катюшино маленькое сердечко болело за всех. Она переживала за старенького дедушку, еле передвигавшегося по двору, но пытавшегося чем-то помочь детям, жалела маму и папу, с утра до вечера работавших в поле, в саду и по дому, защищала своих старших братьев, которые вечно хулиганили и получали потом от родителей, часто сидела с одиноким Аблясом и слушала его жалостливые татарские песни. Всегда она заступалась и за немецкую подружку Эмму, над которой порой по глупости подсмеивались соседские мальчишки только за то, что была «не такая», «немчура».

По итогам переписи 1897 года, в Крыму жило почти тридцать две тысячи немцев. Родители Эммы Бернштейн приехали в восьмидесятых годах девятнадцатого века. Им дали шестьдесят десятин отличной земли, и они зажили безбедно своим хозяйством. Мать Эммы, фельдшер, быстро стала уважаемым человеком во всех деревнях и хуторах, примыкавших к Старому Крыму. Она была приветлива, улыбчива, немногословна и имела «легкую руку». Все манипуляции, которые бы она ни делала, были безболезненными, и раны быстро заживали, а хворобы отступали. Про отца и говорить нечего: там, где в каждом доме своя скотина, ветеринар – самый желанный гость. Ему и первые фрукты - овощи, и мука, и деньги, и все, что душа пожелает.

С Эммой Катя подружилась сразу, как только Бернштейны приехали в Старый Крым и поселились по соседству. Пока они обустроивались с дороги, Наталья и Иван Дмитриевич помогали переселенцам. Мать Кати в первые дни готовила им обеды и ужины, отец плотничал, мастерил для них временное жилье и хозяйственные постройки. Обе семьи были довольны дружбой девочек. Катя, хоть и не немка, но была опрятной, разумной, нежной девочкой, что, наверное, соответствовало представлениям Бернштейнов о подруге для их воспитанной дочки. Наталья с Иваном тоже радовались тому, что доктор и ветеринар в соседях, - детишек много,

и надежнее, когда возможная помощь рядом. Обе семьи доверяли друг другу самое дорогое – детей. Порой Непретимовы брали Эмму с собой в Феодосию или на море в Коктебель.

От Старого Крыма до Коктебеля, поселка на побережье, где к девяностым годам девятнадцатого века еще стояло всего несколько домиков, а население составляло не более пятидесяти человек, часа три езды на телеге по белой пыльной дороге. Поехать на море при большом хозяйстве могли лишь раза два – три, от силы четыре за длинное лето. Родители Кати сажали ребятишек на телегу, брали с собой дядьев, их жен, детей, Катину подругу Эмму, запрягали пару лошадей, а то и тройку, чтоб бежали быстрее, и отправлялись в однодневное путешествие. Выезжали рано, чуть светало, чтоб успеть накупаться досыта. Ребята, как только отъезжали от поселка, выпрашивали у матери что-нибудь пожевать.

- А я кому говорила, чтоб завтракали плотнее? Терпите до обеда! - ворчала Наталья.

- Ну, мамочка, родненькая, - дипломатично начинала Катя переговоры, санкционированные старшими братьями, - мы только по пирожочку. Ну, любименькая...

- Ай, ты, стрекоза! Подлиза ты моя, – сердце матери таяло, и она выдавала на каждую загорелую моську своих детей и племянников по пирогу с яблоками, ягодами или булке с маком. Детвора заваливалась на матрацы, набитые соломой, и, глядя в бесконечное светло-лазоровое небо, начинала есть. С пирожком дорога была веселее.

- Вы откусывайте маленькими кусочками! И долго держите! Еще дольше, - шмякнув Пашку по макушке, учила Катя. – Не торопитесь. Экспериментируй. Пусть кусок растворится во рту, тогда его и жевать не надо, и он сам проглотится. Я давно заметила: так он вкуснее. И дольше есть потом не хочется.

Пашка принимал серьезный вид и, сведя выгоревшие брови к переносице, сосредоточенно начинал очередной эксперимент.

- Ну, как? Вкуснее? – пытала его Катя.

- Погоди ты.

- Ну? – строго повторяла Катя.

- Надо еще один пирожок. Так не понятно, - мудрил Павел.

- Не финти. Все понятно. Вкуснее? – снова пыталась она у брата.

- Ага, вроде, вкуснее.

- Если «вроде», значит, плохо стараешься.

Пашка, заглотив пирог, окликал мать, прилегшую с родственницами поболтать.

- Mam! Дай еще пирог!

- Чего?! – возмущалась Наталья.

- Мне для экспериментента, - важно с ошибками выговаривал он.

Женщины, упав на матрац, хохотали:

- Ремня тебе папкиного для эксперимента! Слово сперва выучи! – но пирог юному исследователю выдавали. Для эксперимента же!

Дети деревни Бешкуртка – Вакуф летом постоянно что-то жевали: молодые виноградные листочки, побеги земляных орехов, цветы абрикосов, щавель и еще много разного подножного корма. Яблоки и инжир грызли зелеными. В хорошую погоду пропадали на неглубокой речке. Накупавшись до посинения, они, голодные, бежали в деревню и мечтали, что сейчас наедятся от пуза. Ни о каких деликатесах речь, конечно, не шла. Да и понятия о них не имели. Мечты были самые земные: пироги, картошка с солеными огурцами, помидорами и мочеными арбузами, каша. Эта простая еда из русской печки была действительно вкусной и сытной. Положив себе на тарелку тушеной картошки из чугуна, которая, постояв в печи и разомлев, становилась цвета топленого молока, и, прикусывая огурчик, Катя часто с жалостью вспоминала холостого деревенского учителя, что ему-то, бедному, никто не сварит такой картошки, ведь у него в комнатке при школе нет русской печки. Только буржуйка. Семья при их достатке жила все –таки довольно скромно, дети умели радоваться самым простым вещам. Если в доме

пекли пироги, Екатерина тут же бежала к подружке Эмме и кричала в окно, чтобы та приходила на пироги. Если коптили рыбу или колбасу, вялили мясо, Катя тут же звала подружку пробовать лакомство.

Лежа в повозке, Катя рассказывала Полине, Пашке, Косте, Эмме и двоюродным братьям о том, что если переплыть Черное море, то можно попасть в Турцию, а из Турции в другие страны.

- Врешь! – восхищенно протянул двоюродный шестилетний Васек.

- Катька никогда не врет! – осадил его Пашка. – Она в школу осенью пойдет!

Женщины всю дорогу о чем-то шептались, лежа сзади на повозке. Мужчины правили лошадьми, иногда, дружно прижавшись плечами, закрываясь от своих любимых половин, чем – то булькали и, откидывая головы, опрокидывали это что-то в рот.

- Бать, что вы пьете?

- Компот!

- И мы хотим компот!

- Усы еще не выросли для компота. Вон, во фляге вода!

К Коктебелю мужчины подъезжали уже веселые, с песнями.

Останавливались сразу в начале бухты. Ребята с визгом врезались в воду, женщины входили медленно, подставляя вначале солнцу белые участки кожи. Контраст был разительный – загорелые у них были только лица, шеи и руки. Наталья поднимала косы высоко, закалывала их на макушке, обнажая стройную шею, поворачивая головой, словно любуясь собой. Они с родственницей плавно расхаживали по белому песку, глядя его подошвами. Влажная песочная волна нежно обнимала ступни, потом лодыжки, щекотали их. Мужчины важно подходили к воде, с удовольствием осматривая своих женщин и строго покрикивая на детей, чтоб держались ближе к берегу. Они тоже были половинчатые: торс шоколадный, а ноги абсолютно белые. В работе им было не до красоты. Зато ребята были загорелые сверху до низу, причем, младшие – без белых полосок ниже пояса.

Дети по несколько часов не выходили из воды. Добровольно – никогда, только если начинали кашлять морской водой, и если из носа уже бежала вода. Обедали под навесом – под натянутой на четырех палках простыней. Вяленое мясо, овощи, пироги. Женщины пили красное слабое домашнее вино, мужчины – что-то совсем светлое, резко, но сладко пахнущее виноградом.

И снова в воду! Мальчишки ставили руки в замок и ныряли с рукотворного мостка. Катя пробовала заплывать подальше, пробуя себя на храбрость. Заплывет немного – становится страшно. Она возвращается. Снова заплывет еще подальше, и снова возвращается. Тогда она стала плавать вдоль берега, в сторону Кара –Дага. Яркая бирюзовая вода, тянувшаяся от Кара –Дага, заманивала почище зова русалок, хотелось дальше, чтоб посмотреть, а вдруг там она еще синее! А там действительно становилось все синее и синее...

- Катерина! Ну – тко, не озорничай! Возвращайся! – строгим голосом звала ее мама.

Возвращались обычно уже молча и затемно. Отец бережно разносил по кроватям на руках заснувших ребятшек. Мать раздевала их, спящих, нежно целуя соленые волосы и пахнущие морем и загаром щеки.

Из всех радостей у детей была только эта – маленькое путешествие, поездка с родителями на море, истории, рассказанные в повозке, и купание до икоты.

Как только Кате исполнилось семь лет, Наталья записала ее в сельскую четырехклассную школу. В конце августа, надев на дочку чистенькое свежее платьице, поверх него – беленькую пелеринку с кружевами, что сразу придало праздничный вид, она, держа дочку за руку, повела ее в школу. Идти с матерью было совсем не страшно. В ней Катя чувствовала надежную защиту, от нее исходило тепло, ощущение домашнего уюта, где всё было так привычно и знакомо до запахов и чувств.

Завидев на улице мать с сестренкой, старший брат Костя, топавший с соседскими ребятами, крикнул им:

- Главное, Катька, не тушуйся, четко отвечай на вопросы учителя, держись уверенно.

И Катя в ответ задорно тряхнула огромными бантами в заплетенных косах.

Перед школой уже толпились дети – будущие первоклассники и их родители. Новичков вызывали в актовый зал школы по очереди. Фамилию Кати долгое время не называли. Она уже начинала волноваться: вдруг забыли про нее. Мама успокаивала.

- Потерпи, Катенька, тебя обязательно пригласят для беседы с учителем. Не волнуйся.

И вот, наконец, вызвали Катю. Мама чмокнула ее в макушку, поправила ленту в косичках и легонько подтолкнула вперед.

- С Богом!

Первое, что увидела Катя в зале, – это был стол, как ей показалось, длинный-предлинный, покрытый зеленым сукном. Она остановилась далеко от него, шагу вперед не могла ступить. Все было так необычно, таинственно, торжественно и в то же время строго. И тут только она заметила, что за столом сидит человек с бородкой.

- Давай знакомиться, малютка, - ласково произнес он. – Меня зовут Николай Петрович, я буду учить тебя читать и писать. Научу и считать.

Екатерина затаила дыхание, во все глаза смотрела на незнакомого мужчину.

- Тебя как зовут, деточка?

- Катя.

- Прекрасно! А теперь скажи, умеешь ли ты читать?

- Умею.

- Быстро читаешь?

- Читаю по слогам, а считаю больше, чем до ста.

- Умничка! Вот, прочитай мне здесь, - учитель остановил карандаш на первом абзаце в букваре.

С заданием Екатерина справилась легко. Ей показалось, что учитель остался доволен.

- А знаешь ли ты, Катенька, что-нибудь наизусть?

- Знаю!

- Что знаешь?

- Отче наш! Колядки знаю.

- Молодец!

- А вот, кто такой Пушкин?

- Дядя, который делает пушки.

Николай Петрович рассмеялся.

- Интересно! Сама догадалась?

- Сама, - важно ответила Катя.

Лицо учителя стало серьезным.

- Александр Сергеевич Пушкин – великий русский поэт. Я познакомлю тебя и твоих одноклассников с его сказками и стихами. Ты будешь наизусть читать его прекрасные стихи.

Николай Петрович что – то аккуратно записал в журнале и отпустил девочку.

- А сейчас пусть зайдет ко мне твоя мама.

Екатерина выбежала во двор.

- Мамуля, тебя ждет учитель, иди скорее.

Размашисто перекрестившись, Наталья поднялась на крыльцо школы.

О чем она разговаривала с Николаем Петровичем, дочь не знала, но была уверена, что учитель похвалил ее.

Домой возвращались в прекрасном настроении. Особенно Катя – она ведь успешно прошла все испытания и понравилась учителю.

Вечером бабушка собралась в гости к Матвеевне - так звали ее давнюю подругу. Очень ей хотелось рассказать товаркам, как успешно Катя показала при поступлении в школу. Она отрезала краюшку черного хлеба, завернула в тканое полотенчико пирожков с ягодами, сняла колечко самодельной копченой колбасы, взяла несколько кусочков сахара, банку орехового варенья, и они с Катей пошли к Матвеевне пить чай. Там на столе уже шумел самовар, подошли еще соседки со своими угощениями, и начались посиделки. Катя слушала разговоры, раскрыв рот, - про колдунов, про лешего, про разбойника татарина, про старину, разные шутки – прибаутки, и это наполняло ее мир новыми картинками о прошлой жизни ее земляков - крымчан. Особенно заинтересовала ее легенда о разбойнике.

- А он страшный был?

- Кто? – изумлялась бабушка.

- Разбойник Алим, - раскрыв от ужаса и восхищения глазенки, выдыхала Катя.

- Страшный. И красивый, и благородный, как Робин Гуд, - смеялась бабушка. – Всем бы такого страшного жениха.

Она обнимала Катю, разламывала пополам пирожок, протягивала внучке:

- Трусиха ты. Всего боишься. Даже Жданку.

Жданкой звали корову на подворье. Она была очень красивой, с прекрасными выразительными коровьими глазами, но слыла гуленой. Когда пастух гнал стадо домой, Жданка старалась пройти мимо двора, чтобы погулять еще возле кургана и пощипать там свежую травку. В обязанности Екатерины входило загнать корову домой. Если Жданке удавалось схитрить, Катя долго бегала за ней, прежде чем буренка нехотя шла домой. Но иногда Жданка, разозленная тем, что Катя пришла не вовремя, опускала свои выразительные по – женски глаза и наклоняла голову, демонстрируя острые рожки. Тогда Катерина остерегалась идти впереди Жданки, а подгоняла ее прутком сзади и громко на нее ворчала, чтоб самой не бояться.

Через неделю начались занятия. С утра Николай Петрович занимался с учениками чтением и чистописанием, ближе к обеду – арифметикой. Катя быстро освоилась, ей нравились уроки. Она внимательно слушала учителя, охотно выполняла домашние задания. Так изо дня в день потекли нескучные школьные дни.

Первый класс Екатерина окончила с похвальным листом. Родители радовались успехами дочки, ставили в пример Косте, который учился из рук вон плохо и любил похулиганить.

Статус отличницы Катя держала во втором, третьем и четвертом классах. Дальше в деревне образование заканчивалось. Следующей ступенькой была районная общеобразовательная гимназия в Феодосии.

-А что, если Катю отдать учиться в гимназию? - подал мысль Костя.

- А что? - поддержал сына отец, - я не против. - Екатерина - наша гордость, не то, что ты, Константин. Шалопай!

- А где дочка жить будет? – испугалась Наталья.

- Как где? У тети Полины, папиной сестры. Поди, родная тетка Кате, - Костя посмотрел на отца.

- Да, сестра не откажет в приюте племяннице, - согласился отец. – У нее просторный дом. На том и порешили. Через неделю Екатерина уже была в Феодосии.

Тетка радушно встретила брата и племянницу.

- Какая радость! Дорогие гости в доме! - ворковала она. - Надолго ли?

- От тебя зависит, - отец обнял сестру. - Вот дочку привез на постой. Будет учиться в гимназии.

- Катенька? Прекрасно! Какой разговор. Пусть живет. Будет подружкой моим деткам.

Вокруг Екатерины стояли трое детей: одна девочка и два мальчика. Девочка была немного младше Кати. Белокурая, с длинными вьющимися волосами, перевязанными розовыми бантиками у висков, она казалась хорошенькой фарфоровой куколкой. На ней было

надето нарядное белое платье с кружевным воланом. Один из мальчиков был значительно старше, одетый в форменный гимназический мундирчик, и очень походил на сестру. Другой, кудрявый, казался не старше шести лет. Пара его карих глазенок внимательно рассматривали гостью.

Минуты две длилось молчание. Вдруг старший мальчик, которому, видимо, наскучило молчание, сказал:

- Ты наша кузина?

Катя не знала, что означает слово «кузина», но уверенно качнула головой.

- Понятно.

- Будешь учиться в гимназии?

- Да.

- А тебе придется сдавать испытательный экзамен, прежде чем зачислят в гимназию.

-Я знаю. Готовилась. И потом, у меня похвальный лист.

- Молодец! Не бойся, я буду тебя защищать. Наша мужская гимназия рядом.

Катя благодарно улыбнулась и поправила кружевной волан на платье маленькой кузины. Девочка прижалась щекой к Катиной руке. У родственников ей было хорошо и уютно.

Успокоенный отец на другой день уехал. Сестре сказал:

- У нас, крестьян, день год кормит. Надо готовиться к уборке урожая.

Он притянул Катю к себе, расцеловал трижды в щеки.

- Смотри, Катюша, старайся. Тетю Полину слушайся, помогай, чем можешь.

Хлопоты по поступлению Кати в гимназию легли на мужа тети. Федор Иванович узнал правила приёма, сам сочинил и подал прошение. После собеседования Катю освободили от вступительных испытаний и зачислили в класс гимназии. Похвальные грамоты произвели впечатление на администрацию гимназии.

В сентябре начались занятия. Сверстницам Катю представила старшая воспитательница.

- Знакомьтесь, девочки, - чопорно проговорила она. - это Катя Непретимова. Она будет учиться с вами в одном классе.

Тридцать девочек как по команде повернули свои беленькие, черненькие и рыжие головки в сторону Екатерины. Тощая гимназистка с косыми глазами беспокойно завертелась на своем месте. Высокий господин, с бородою и в очках, сидевший за отдельным столом на возвышении, пристально рассмотрел Катю с головы до ног поверх очков и произнес:

- Новенькая?

- Новенькая! – сказала старшая воспитательница.

- Хорошо. Пусть садится за парту у окна.

За партой, на которую указал учитель, сидела белокурая девочка. Катя подошла, аккуратно откинула край стола, поставила портфель на полочку под столешницей и осторожно села.

- Меня зовут Арина, - услышала она шепот девочки.

- А меня Катя, - также тихо проговорила Екатерина.

- Будем дружить?

-Конечно, - подружки под партой пожали друг другу руки.

- Девочки, соблюдайте тишину, - сделал замечание учитель.

Все затихли. Классный кабинет был просторный, высокий, с большими окнами. Парты стояли рядами. Между рядами был довольно широкий проход. Соседки справа и слева с любопытством разглядывали Катю, приветливо улыбались. Многие из них стали ее подругами.

Для Екатерины в гимназии все было в новинку: помещение, огромные светлые классы, распорядок, учителя, предметы. С самого начала поразила ежедневная общая молитва перед началом занятий. Учащиеся и учителя пели сначала молитву Святому Духу «Царю Небесный», а потом по очереди читали молитву перед большой иконой, которая стояла в углу зала. После молитвы все расходились по классам. На молитву нельзя было опаздывать. Директор гимназии

всегда присутствовал на молитве и замечал всех, кто приходил не вовремя. Он вообще всё видел, всё замечал, был как бы «вездесущим», следил за порядком, замечания делал спокойно, мягко, но требовательно. После его беседы никому уже не хотелось снова попадать в поле его зрения.

В учебный план включались Закон Божий, русский язык, старославянский, латинский и греческий языки, математика с физикой, география, естествознание, французский язык. Кроме того, большое внимание уделялось эстетическому воспитанию девочек. Были уроки музыки и пения, рисования и танцев, рукоделия и ведения домашнего хозяйства. Курс обучения был семилетним, но для желающих получить специальность домашней учительницы или учительницы начальных классов был дополнительный, восьмой класс, который назывался педагогическим. После окончания гимназии девушки могли работать домашними учительницами и домашними наставницами. Они могли обменять аттестат об окончании гимназии на особое свидетельство, выдаваемое канцелярией попечителя учебного округа.

Гимназия находилась в центре города. Вокруг нее было много старых платанов, цветущих деревьев и кустарников - целый парк. Деревья росли близко к зданию. На переменах гимназистки и гимназисты из мужской гимназии гуляли по аллеям. А еще возле гимназии выращивали розы. Кате здесь все нравилось, даже запахи. Они были совсем не такими, как в Старом Крыму: воздух не пах пылью, в нем была морская соль, розовое масло и свежесть кипарисов, эвкалипта и кустарников, которые не росли у нее в селе.

В Феодосии было много сквериков, где можно было укрыться, и в каждом свои растения, свой запах. Ей нравилось идти до гимназии вдоль улицы медленно, чтоб успеть рассмотреть палисадники, высаженные в них цветы. Удачей было подсмотреть, какие столики накрывают хозяйки на террасах или балкончиках своих домов, какие стелют скатерти, какую посуду ставят. Ей захотелось и у себя дома так же поставить в садике красивый стол со скатертью и вазой с розами. Но ведь мальчишки все испачкают! Все равно – она попробует!

Катя заметила, что девочки прячутся от солнца, не подставляют ему лицо, как она.

- Вы не любите загорать? – спросила она у Арины.

- Наша учительница сказала, что барышни должны быть беленькие, носить перчатки и зонтики. А загорелые только крестьянки.

- А я и есть... - начала Катя, но закусила губу.

Из всех предметов Екатерина больше всего не любила Закон Божий. Это было связано исключительно с батюшкой, преподававшим этот предмет. Строгий на вид, даже суровый, священник говорил отрывисто и быстро. Было очень трудно поспевать за ним, когда он рассказывал о том, как Ной построил ковчег и поплыл со своим семейством по огромному океану, в то время как все остальные люди погибли за грехи. Девочки невольно затихали, слушая его. Потом батюшка вызывал девочек по очереди на середину класса и спрашивал заданное.

В двенадцать часов дня урок заканчивался, начиналась большая перемена, во время которой гимназистки обедали, отдыхали, просто играли. Катя доставала из своей сумки бутерброды с домашней колбасой, приготовленные заботливой тетей Полиной, овощи, сладкие булочки, с удовольствием их ела.

Незаметно промелькнул третий год, седьмой класс гимназии. Пришла весна, и вскоре после Пасхи начались переводные экзамены. Кате надо было их успешно сдать, чтобы иметь надежду быть освобожденной от платы за учебу в четвертом классе. Раненько утром в день каждого экзамена она бежала в церковь и ставила свечку Николаю Угоднику, прося его помочь на «отлично» сдать экзамен. Испытания по всем предметам Екатерина сдала прекрасно и окончила класс с похвальным листом. Своим приказом директор гимназии освободил родителей Екатерины от платы за учебу. Впереди – каникулы, планы на новый учебный год, мечты о том, что она будет учительницей. Дома она уже всем объявила, что будет сдавать экзамен на эту престижную профессию.

Но в последний год незадолго до Рождества внезапно приехал отец.

- Вот что, дочка, - глухо произнес он, - надо собираться домой.

- Как домой? Ведь только середина учебного года, - удивились тетя Полина с мужем. – Мы к Катеньке так привыкли! Девочка милая, добрая. Так сдружилась с нашими детьми! Да ты что? Девочке надо учиться! Всего год еще! Пусть станет учительницей!

- Наташа сильно занедужила, вот уже как месяц не поднимается с постели. В доме нужна помощница.

Екатерина заплакала, прижавшись к тете Полине. Двоюродные братья и сестра обнимали ее и гладили по косичкам и загорячевшей от рыданий спине.

Наутро отец объяснялся с помощницей директора гимназии.

- Жена приболела. Детишки у нас. Матери помощница по хозяйству нужна. Не до учебы пока, – объяснил он чопорной даме в наглухо до ушей застегнутом черном платье.

- Вы б еще подумали, не решали так сразу, господин Непретимов. Ваша девочка – лучшая ученица. Ей учиться надо! Устроится потом учительницей, вот тогда и поможет семье.

- У нас хозяйство большое, скотина, ребятишки маленькие. Жена не управляется одна, - упрямо талдычил отец. - Я с помощниками целый день в полях.

Катя плакала всю дорогу до дома. Ей жалко было и маму, и гимназию, с которой она, чувствовала, прощалась навсегда. Так в 1890 году учеба отличницы Кати Непретимовой закончилась.

3. Свадьба

В поселке у Кати началась совсем другая жизнь. Она взяла на себя почти всю женскую работу в доме. Теперь мама помогала ей, насколько хватало сил.

Повзрослевшие подруги часто звали ее посидеть вечером в выходные дни. Девчата рассказывали друг другу, что вкусного наготовили, что насолили. Тогда Катя узнала от подруг, что есть какая –то новая «поваренная книга», где рассказывается, как приготовить вкусный обед.

- Да, моя мама видела эту книгу, она называется «Подарок молодым хозяйкам», ее женщина написала, - подхватила Эмма. – Но мы и продукты такие не видели, о каких там написано!

Катя вздохнула:

- Вот бы почитать ее.

Катя любила готовить и, как говорил отец, была образцовой хозяйкой – мечтой любого жениха. Катя краснела от таких его слов.

Как – то на девичьих посиделках Маша предложила:

- А давайте, подружки, в следующее воскресенье сбегаете в Ново- Ивановку. Тайком. Пусть деревенские ребята нас поищут. Наскучили! - девушка достала из кармана горсть жареных орешков.

- Угощайтесь, да не переживайте: никуда кавалеры от нас не денутся, - в ее глазах вспыхнул лукавый огонек:

Подругам идея понравилась, хотя путь не близкий – пять километров. Но как идти в соседнюю деревню, если у многих девчонок нет даже мало – мальски приличной обуви. Задумались подружки: идти в кожаных и тряпичных тапках стыдно. Тут у Кати появилась идея.

- А давайте...возьмем потихоньку туфли у своих мам. Они даже не заметят, мы ведь вернем обувь в тот же вечер.

Идея девушкам показалась прекрасной. Выходная пара туфель у каждой женщины была только одна, поэтому ее берегли. Молоденьким девчушкам не все матери могли справиться такую дорогую вещь. После захода солнца девушки встретились возле церкви и бодро зашагали в соседнюю деревню. Чтобы сократить путь, пошли через поле. Уже стемнело, когда они добрались до Ново- Ивановки. От старших подруг они знали, где собирается молодежь, - на площадке у ручья. Оттуда уже доносились звуки гармошки. Гармонист первым заметил гостей:

- А это кто к нам пришел?

- Да это девчата из соседней деревни пожаловали, - узнал девушек почтальон Федя. - Вот ту темненькую, с косой, Катькой, кажется, зовут. Когда бываю по почтовым делам у нее в деревне, она вечно надо мной подшучивает. А вот та - Лида. Потом – Эмма. Четвертую не знаю, вроде, Маша.

Он бочком подошел к Кате, поправил фуражку и протянул руку:

- А давай с тобой ближе знакомиться?!

- В следующий раз, - Катя отошла в сторону.

Ново – Ивановские ребята дружелюбно приняли гостей. Освоившись, девчата вместе со всеми стали петь, плясать, рассказывать смешные истории. Время в новой компании пролетело незаметно, наступила пора возвращаться домой. Долговязый почтальон Федя ни на шаг не отходил от Кати. Он изо всех сил старался ей понравиться. Первым выходил в круг, пел под гармошку, угощал девчонок леденцами. У Лиды, Маши и Эммы тоже появились поклонники.

А в Бешкуртках тем временем начался переполох. Ребята, не найдя подружек в обычное время, догадались, что, кроме как в Ново – Ивановку, им податься некуда, и отправились за ними. Встреча произошла на поле между деревнями. Увидали бешкуртковские, что их «невесты» шествуют под ручку с новыми «женихами», рассвирепели и, конечно, набросились на соперников. Завязалась потасовка. Испуганные девчонки, сломя голову, побежали к избе деревенского сторожа деда Федотыча, которая стояла на самом краю деревни. От страха Маша спряталась в хлеву за коровой, Лида с Эммой укрылись за плетнем, а Катя зарылась в стожке сена. Девчонки знали, что в запале местные кавалеры могли выдать и им на орехи.

-Изменщицы! - размахивая руками кричали парни.

Надавав тумачков Ново – Ивановским, бешкуртковские ребята пригрозили соперникам, чтобы они и на пушечный выстрел не приближались к их невестам. Почтальон Федя, которого украшал лиловый синяк под глазом, и остальные, сильно помятые, медленно, разочарованно, но с достоинством потопали восвояси.

Когда все разошлись по домам, девчонки, наконец, вылезли из своих убежищ, - растрепанные, грязные, испуганные. Оказалось, что Лида потеряла туфлю. Девушка села на кочку и в голос зарыдала.

- Мать убьет меня, если узнает, что я потеряла обувь. Мне ее туфли немного велики. Она бережет их, как зеницу ока.

Екатерина стала успокаивать подругу.

- Перестань реветь, сейчас найдем твою туфлю.

- Где? Темень же!

- Успокойся! Лучше скажи, где она могла слететь с ноги?

- Не знаю, может, когда перепрыгивала через канавку. Я только сейчас обнаружила, что правая нога без обуви. Меня трясло от страха, когда ребята дрались.

Катя чувствовала себя виноватой за случившееся - это она уговорила подруг сходить в соседнюю деревню, она подала мысль взять туфли у матерей. Она схватила Лиду за руку и потащила к месту, где та перескочила овраг. Девчонки опустили на колени и сантиметр за сантиметром обшарили все вокруг. Пусто. Подруга продолжала плакать.

-Лида, перестань! В каком месте ты перепрыгивала борозду?

-Вон там, - девушка показала на тополь.

- Пошли туда.

Взошла луна. Стали различимы кусты, очертания предметов. Это вселило в девушек уверенность, что потеря найдется. Не иголку же они ищут в стоге сена! Катя спрыгнула в борозду и пошла по ней. Через десять метров остановилась.

- Лида, ты точно здесь была? Дальше мы просто не бежали!

-Вспомнила! Это было в другой стороне, возле куста акации!

- Ну, коза, - рассердилась Катя. - У меня живого места нет на коленках, все изодрала – ползаю, как улитка, а ты только сейчас поняла, что это было в другом месте.

Через минуту туфля была найдена. Слезы на щеках у Лиды высохли. Все девчонки вернули мамины туфли практически без изъяна.

Об этом эпизоде своей жизни Катя часто вспоминала и рассказывала своим детям.

Троица в 1902 году пришлось на 15 июня. Работать в такой праздник грех, и вся православная Бешкуртка – Вакуф гуляла. В каждом дворе стоял стол с нехитрой снедью и графином виноградного вина. Навещающая родню или принимая гостей за накрытыми столами, бешкуртковцы обходились блинами, винегретом, солеными огурцами и помидорами, мочеными яблоками и арбузами, прошлогодним салом и домашними копчеными колбасами. Вино – не в счет. Его было сколько хочешь, на любой вкус: сухое и полусухое, крепленое, сладкое и полусладкое, для особых ценителей – чача. К вечеру деревня пела и плясала.

На второй день парни с девушками надумали сходить в соседнюю деревню. Говорили, что там объявился хороший гармонист. Будто он здорово аккомпанирует, ведет хоромы, шутит, поет веселые песни, словом, готовый тамада.

- Как вы пойдете? – спрашивали девчата парней. – С какими глазами явитесь? Ведь в прошлый раз нажились на них, как отъявленные бандиты.

- Ничего, - перемигнулись ребята, - мы знаем, как вину заглаживать. Найдем подход.

По дороге широкоплечий Дмитрий не сводил глаз с Екатерины. Девушка давно ему нравилась, но Катина строгость не позволяла проявить это чувства как-то непристойно, с шутками. Он никак не мог придумать повода для серьезного разговора. От природы бойкий, он перед ней робел, будто и с девчонками никогда шашни не водил. И как он сейчас завидовал Ваське Колосову, который всю дорогу с Катей непринужденно болтал! «Ничего, - успокаивал себя Дмитрий, - сегодня я должен объясниться. Отобью Катю у Васьки!»

Ново – Ивановская молодежь была уже вся на улице. Подростки играли в лапту и городки, качались на качелях, украшенных разноцветными ленточками. Кто постарше - водил хоромы с березкой, который тут же расступился перед гостями. Невысокий крепыш махнул рукой гармонисту – и музыка смолкла.

- Что, гости дорогие? Пожаловали? – наступали местные, закатывая рукава рубах. – Щас мы вас встретим!

- Не сердчайте, ребята. Мы к вам мириться, - Дмитрий Баранов протянул огромную, в два с половиной литра бутылку медовухи.

Новоивановские обмякли, заулыбались, дружба возобновилась.

- Ну, что ж, мы хорошим гостям всегда рады! Милости просим, - улыбнулся старший, забирая бутылку.

Танцевали краковяк, польку – бабочку и «Ворота». В одну из пауз Васька Колосов заказал гармонисту «Камаринскую». Хозяева удивились: танец, как и «цыганочка», не каждому по плечу. Тут нужна подготовка. Все с интересом смотрели на Колосова, ожидая, что именно он покажет класс. А тот повернулся к Дмитрию.

- Попросим! - делал он жест руками, указывая Дмитрию в центр площадки.

Все захлопали. В эту минуту Митя готов был треснуть товарища по башке. Васька был единственный, кто знал, что Митя тайком уже полгода разучивает «Камаринскую», и помогает ему в этом деревенский учитель. И еще он доверил товарищу тайну, что делает это для того, чтобы обратить на себя внимание Кати на каком –нибудь гулянье.

Деваться было некуда. Показав Ваське увесистый кулак, Дмитрий, как в омут, бросился в круг. Попав в такт музыке, притопнув каблуками и забыв о зрителях, Митя начал выделять коленца. Еще минуту назад казавшийся нескладным высокий юноша преобразился. Он легко опускался в присядку и тут же взлетал, раскинув ноги в шпагате, казалось, будто у него за спиной вырастали крылья. Он быстро отрывал руки от земли в полуприсяде, попеременно выки-

дывая вперед ноги. Номер он закончил под дружные аплодисменты. Митя украдкой посмотрел на Катю и понял: довольна! Улучив момент, подошел к ней и сказал:

- Давай пораньше уйдем домой.

Девушка опустила голову и согласно кивнула. Только солнце начало клониться к закату, как они отправились за околицу. И тут Дмитрий без предисловий выпалил, будто боясь, что так и не решится:

- Я давно люблю тебя, Катя. Пойдешь за меня замуж? – и замер, ожидая ответа.

Сердце ее глухо колотилось, готовое выскочить из груди. Он в темноте не видел ее лица, и мгновение, пока не слышал ее голос, показалось вечностью.

- Пойду, если отец с матерью разрешат.

Митя очень нравился Кате, но девичья честь ни разу не была запятнана улыбкой или игривым взглядом. Катю родители в этом отношении держали строго.

Что родители, главное – она согласна! Митя почувствовал себя на седьмом небе. Переполненный счастьем, он говорил и говорил без умолку. Молодые не заметили, как пришли домой.

- Жди сватов, - сказал на прощание Дмитрий, коснувшись Катиных пальцев.

Он помчался на другой конец деревни к женатому брату Федору и разбудил его стуком в окно. А наутро с ним пришел к отцу. Тот выбор сына одобрил. В дом Непретимовых отправились солидной делегацией. Чем ближе подходили к дому будущего тестя, тем волнение все больше и больше захлестывало Дмитрия: вдруг Катя передумала, или ее родители откажут в сватовстве.

Семейство будущего свата было в сборе, видимо, их ждали. Поздоровавшись и пожелав хозяевам богатства и долгие лета, Баранов - старший сказал:

- Иван, знаешь, зачем мы с сыном пришли?

- Не ведаю, но догадываюсь.

-Хочу породниться. Отдай за Дмитрия Екатерину. Она согласна стать его женой.

- Не отдам!

- Почему? Сын мой плох?

- Другое. В доме нужны женские руки. Знаешь ведь, что моей жене помощь нужна. Много лет болеет.

Баранов переглянулся с сыновьями, и старший одобрительно кивнул.

- Проблема, конечно, серьезная, но мы ее порешаем. Если захочешь, не твоя дочь придет к нам в дом, так мой сын будет жить у вас.

- А что скажут люди? Традицию нарушаем.

- Деревенские все поймут и, думаю, нас не осудят.

По обычаю, следовало пропить невесту. Мать Кати достала из погреба закуску и вино. За рюмкой будущие сваты стали обсуждать детали свадьбы, которую наметили на начало сентября. Дмитрий отправился домой, негоже сидеть за столом с девушкой.

Утром отец Дмитрия пошел в церковь договариваться о дате свадьбы и венчании молодых, встретился с деревенским гармонистом, договорился с портнихой. Свадебное платье жених должен преподнести невесте, поэтому Дмитрий отправился к лучшей портнихе на все примыкающие к Новому Крыму деревни.

- Вы, Матрена Самойловна, сшейте так, чтоб моя Катерина была, как принцесса. Она у меня красавица! Я денег не пожалею.

- И то я думаю: как Катя на тебя глянула? И красавица, и не из бедных.

- А нешто я урод какой? – удивился Дмитрий.

- Да не урод, Митрий. Не урод! Но Екатерина могла и покраще тебя найти жениха, позавиднее. Ты ж всегда до девок страсть как охоч был!

- Раньше правда был охоч, пока Катю не разглядел. Она у меня нужды не будет знать. На руках ее носить буду.

- Твои слова да Богу в уши! Ладно. Будет у Кати платье, как у королевичны.

Наталья за это лето воспряла, окрепла, уж очень ей хотелось, чтоб у дочки свадьба прошла правильно, по традиции, и она сама пошла в дом мужа хозяйкой.

- Пусть у вас все будет, как у людей. Спасибо Барановым за предложение прийти жениху к нам в дом. Но и я обузой не буду, помогать буду, чем смогу. Мальчишки выросли, сами много по хозяйству делают. Да и Константин присмотрел твою подругу Машу. Коль не будет балбесом, так сватов зашлем. Будет мне Машенька нам помощницей.

Вовсю готовился к свадьбе и отец Кати. Иван Дмитриевич в деревне слыл любителем спиртного. Вина, которое делалось в доме из собственного винограда, хватало только до Нового года или до весны. А как прожить без увеселительного напитка еще полгода, для родителя было проблемой. Он брал у соседа в долг жбан - другой вина до лета, но и их хватало ненадолго. Отец Кати любил с родными и соседями застолье.

Как – то, возвращаясь из Феодосии, он подвез на своей бричке мужичка из соседнего хутора. Разговорились. Сначала о посадках, хозяйстве, потом речь зашла о выпивке. Иван Дмитрич рассказал, что они с будущим сватом готовятся к свадьбе детей, прошлогоднего вина мало, новое еще совсем молодое. Попутчик развязал мешок и вытащил бутылку самогона.

- На –ко, попробуй!

Выпили. Ивану Дмитричу понравился вкус самодельного спиртного.

- Из какого продукта произвел?

- Из свеклы.

- Надо же! - удивился Катин отец, – не подумал бы.

В Крыму гнать самогон не приятно было. В каждом хозяйстве виноградные плантации, так что производство вина - обычное явление в хозяйстве. Другое дело - кто и как его употреблял.

Дома Иван посоветовался с Натальей. Та, махнув рукой, только и произнесла:

- Делай, что хочешь, но я не участвую в твоём самогонном деле.

Катин отец заварил свекольную бражку, стал ждать, когда она поспеет. Наконец, когда брага «вызрела», он начал капля за каплей собирать драгоценную «огненную воду» в посудину, с осторожностью переливать в четвертную бутылку. Так набралось несколько литров. Завершив долгий процесс, собрал осевшую бурду в бадью и попросил Катю вылить содержимое в отхожее место, которое находилось в конце огорода. Тащить туда емкость оказалось для девушки делом непосильным. Посмотрев, что во дворе, кроме индюков и индюшек, никого не было, она потихоньку вылила содержимое бадьи в канавку за сараем, не придав значения тому, что поблизости нагуливали вес птицы. Вальяжно прохаживающиеся по своей законной территории, они вдруг наткнулись на еще теплые сладкие кусочки свеклы и начали их с жадностью клевать.

Через час - другой изрядно принявший «на грудь» свежего самогона Иван Дмитрич вышел на крыльцо и увидел, что его дорогое птичье хозяйство валяется под плетнем, прижав лапы к груди и откинув головы. Он в отчаянии закричал жене:

- Наталья! Быстрее сюда! Вся наша птица подохла, верно, отравил кто-то! Заразы! Позавидовали нашему двору! Заразы! Прибыю, коль найду! – угрожая бутылкой, кричал он.

Выскочила Наталья и замахала руками, причитая:

- О, Господи, что же теперь делать-то. Ах, окаянные, да кто ж руку-то поднял на бедную птицу?!

Тут появилась соседка.

- Индеек теперь на вернешь, давай-ка, Наталья, птицу ошиплем. Помогу. Хоть пух и перья сохранятся. Сгодятся на подушки и перину. Все в приданое пойдет.

- Катя, иди, помогай птицу ошипать! – плача, позвала Наталья. – Надо будет мясо в холод убрать.

Катя дергала перья и размазывала слезы по щекам. Она побоялась сказать матери, что птиц отравила она. И ведь как не вовремя! Перед свадьбой остаться без угощения гостям было совсем не дело. Женщины быстро ощипали несколько птиц и сложили тушки в сарай.

- Завтра придется убить всех, разделать, - убивалась Наталья.

Спустя часа два отец глянул в окно и оторопел: по двору к дому, неуклюже переваливаясь с лапы на лапу, плелось пьяное, ничего не понимающее птичье стадо, в котором перемежались абсолютно голые и сильно потрепанные индюки.

- Живые! - в один голос выдохнули родители и выбежали во двор. – Катерина! – с угрозой в голосе крикнула мать. – Ты куда вылила свекольную гушу?

- Ой!.. - Катя от греха юркнула в свою комнатку.

Долго они потом ждали, пока их «лысая гвардия» обрастет пушком. А вся деревня покачивалась со смеху, вспоминая Катерину и мать с соседкой, которые, не разобравшись, ощипали пьяных индеек и индюков.

В первую субботу сентября единственная улица Бешкуртки - Вакуф огласилась звоном поддужных колокольников. Жених и невеста ехали в мягко покачивающейся на рессорах бричке, запряженной парой лошадей. На облучке восседал друг Вася Колосов. На обычных дрожках с соседних хуторов ехали братья и сестры с обеих сторон, с ними Эмма и другие друзья. Приехали из Феодосии тетя Полина с мужем - порадоваться за Катю.

Взмывая пыль и распугивая деревенских собак, пытающихся укусь за колеса, экипажи подъехали к церкви.

Во время венчания невеста вдруг вздрогнула: от волнения у Кати задрожала рука, свечка наклонилась, и расплавленный воск потек ей на запястье. Екатерина сжала зубы, но не выпустила из обожженной руки свечу. Церемония продолжалась, молодые обменялись кольцами. Весь день Катя пыталась не думать о том, что случилось. Она считала, что если не подпускать эту мысль к сердцу, то она забудется, и никогда ничего дурного с ними не произойдет.

У родительского дома молодых встречали хлебом - солью. Гостей пригласили за столы, заставленные едой. Натальины помощницы подавали тушенную с мясом картошку и капусту, гречневую кашу с салом, куриц и сазанов, запеченных в тесте, копченые окорока. Были и всевозможные закуски из лука, щавеля, овощей, виноградных листьев, заправленные сметаной и ароматным маслом, пахнущим семечками и орехом. Блюда были татарские, русские, немецкие, еврейские, украинские. Пили вино и самогон – каждый, что хотел.

«Горько!» молодым не кричали. Целоваться на людях в деревне было не принято. Все шло своим чередом. Играл гармонист, молодежь танцевала. Не отставали и «старички». Женщины пели свадебные песни, залихватски исполняли частушки. Какая свадьба без них! Веселья хватало всем.

Припозднившихся гостей оказалось несколько. У каждого была уважительная причина. Архип Поливцев, деревенский пастух, был в поле, Костя Ткачев, помощник немца-ветеринара, – на выезде. Их сразу закружила свадебная карусель.

- Архип, штрафную! - протянул граненый стакан самогона Иван Русинов. - Давай! За молодых!

- Архипка! Срочно стопочку! – подхватывали родители молодых.

-Поесть бы сначала, голодный я...

- Потом. Проздравляй!

-Проздравляю! - растерянно произнес пастух, пытаясь в гудящем улье человеческих голосов разглядеть жениха и невесту, наклонившихся друг к другу и что-то друг другу шепчущих. Они, казалось, никого не видели. Они хотели, чтоб поскорее вся эта радостная толпа схлынула, и они остались вдвоем. Хотелось наговориться и нанежиться.

-Пей!

К Ивану присоединились соседи.

-Пей до дна! Пей до дна! – скандировали и хлопали в ладоши они.
Штрафник встал, сделал глубокий выдох и залпом осушил стакан.
-Молодец! Уважил! – смеялись довольные отцы жениха и невесты.
-Занюхай! - Русинов протянул горбушку каравая.

Поливцев взялся, было, за тарелку с квашеной капустой, но тут неожиданно появился тамада. Он захлопотал перед ветеринаровым помощником и Архипом.

- Опоздавшим штраф! За молодых! - и протянул рог с вином и почти вливал из него вино в рот новым гостям.

-Да мы... только что!

-Тогда за их родителей! За матерей! – мамы Кати и Дмитрия уже сидели рядышком и ободряюще улыбались Поливцеву. - Во-о-т молодец какой! Знать, и тебе повезет с невестой, как Митрию нашему, соколику ясному!

Выпить пришлось опять. В голове у Архипа раскатисто зашумело, будто волны били о валуны, гости стали двоиться. Он тыкал вилкой в тарелку, пытаясь попасть в рыбу, но не смог. Его стало клонить набок. Через час со счастливой улыбкой он сполз на лавку, потом под нее. Здесь он никому не мешал. Такая участь была уготована и ветеринарову помощнику. Свадебные мероприятия прошли мимо, о них эти гости ничего не помнили.

После свадьбы деревенские мужики и бабы дали событию отличную оценку. А особенно Архип Поливцев долго и много рассказывал, как он лихо погулял, следовательно, по всем приметам, жить после этого молодым долго, счастливо и благополучно!

И они жили счастливо. От любви рождались дети: Митрофан, Павел, Маруся.

Часть 2. БАРАНОВЫ.

1.РАССТРЕЛЯТЬ КАК НЕМЕЦКОГО ШПИОНА

- А про деда Баранова известно что-то? Хоть как жил, где умер?

- Конечно. Борис, достань из сумки бежескую папку.

Борис просмотрел несколько тонких папочек и положил на стол бежескую, с приклеенным стикером, на котором было аккуратно написано: «Баранов Дмитрий Митрофанович»

Дмитрий Митрофанович Баранов гордился своей фамилией. В основе фамилии лежит мирское имя, или прозвище Баран, частое на Руси в XVI-XVII веках. Вероятно, что прозвище Баран давалось упрямому человеку. И это было истинной правдой – Дмитрий Митрофанович был настойчивым, а скорее - настырным до упрямства. Существует также мнение, что это прозвище тюркско-татарского происхождения. Вполне возможно, и болгарское происхождение от родоплеменного наименования Баран. Некоторые Барановы – представители дворянских родов. Древнейший из них происходит от мурзы Ждана, по прозванию Баран, прибывшего в Россию из Крыма в 1430 году и служившего при великом князе Василии Васильевиче Темном "на коне, при сабле и луке со стрелами". Эти предметы вошли и в утвержденный герб Барановых. На нем изображен щит, разделенный горизонтально на две части. В верхней половине изображен натянутый серебряный лук на голубом поле. На него надет золотой ключ, и в его кольца продеты крест - накрест серебряные стрела и сабля остриями вверх. В нижней же части - бегущий белый конь на золотом поле. Именно от этой ветви Барановых вел род Дмитрия. Так что порода, стать у Дмитрия Баранова были природные.

Дмитрий Митрофанович был красавцем мужчиной. Как говорили на хуторе злые языки, не мог спокойно пройти мимо женской юбки. Для каждой девушки у него был в запасе ласковое слово, улыбка. Балагур, весельчак, гуляка – Баранов нравился и замужним женщинам. Но уличить Екатерина его было не в чем не могла – ни разу не был пойман ни за обниманием, ни за целованием, ни выходящим из чужого дома. Да и некогда ей было ловить его. Детишки были практически погодками, за ними нужен был пригляд.

Когда он уходил на империалистическую войну в 1914 году, многие женщины, не только Катя, украдкой вытирали слезы.

Катя ждала четвертого ребенка. Дмитрий Дмитриевич, названный в честь любимого мужа, родился уже в пятнадцатом году без отца. Первое время Дмитрий Митрофанович исправно писал жене письма. Затем переписка неожиданно прервалась. Сначала говорили, что он погиб, потом просто – сгинул. Через какое-то время пошел слух, что Баранов в плену у германцев. Катя стойчески перенесла это известие, старалась не верить слухам и не переставала ждать мужа.

В конце 1918 года Дмитрий Митрофанович появился на хуторе. Такой же статный и красивый, внешне совсем не измученный пленом. Счастливая Екатерина после страстной встречи в закутке за занавеской накрыла для соседней стол. После нескольких рюмок спиртного Дмитрий рассказал землякам о войне, друзьях – товарищах, плене. А позже, изрядно напившись, сболтнул, что на чужбине у него обозначилась новая немецкая семья.

Катя, проплакав ночь, наутро разговорила мужа. Оказывается, как военнопленный он был приставлен в качестве батрака на ферму к богатой фрау. Там в него влюбилась ее дочь. Вскоре девушка стала ему гражданской женой. Через год родились двойняшки – девочки.

Закончилась война. В России произошла революция. Власть взяли большевики. Многие солдаты стали возвращаться домой, и затосковал солдат Баранов по Родине. Все чаще и чаще стал вспоминать свою жену Катю, трех сыновей и дочку. Этого не могла не заметить немка. Она оказалась женщиной умной, не стала насильно удерживать возле себя бывшего военнопленного. Сказала просто:

- Съезди домой в Россию, осмотришься. Не приживешься, приезжай обратно. Тут у тебя тоже дети. Ждать будем с нетерпением.

Как натуре деятельной, увлекающейся спиртным, Дмитрию Митрофановичу нередко доставалось от Кати за несанкционированные любовные похождения, которых до войны она не замечала. Однажды в ссоре он бросил жене обидное:

- Вот уеду обратно в Германию, тогда узнаешь, как жить без мужика.

Утром винился, просил прощения, целовал плечи. Но Катя запомнила его угрозу и перестала лишний раз припоминать мужу прошлое: вдруг правда бросит ее с четырьмя детьми и уедет в другую семью.

Вскоре после нескольких пьяных посиделок хутор в подробностях знал о второй семье Дмитрия Баранова за кордоном. Как водится, одни завидовали, другие злобствовались:

- Неспроста гражданская жена осталась у германцев, не иначе Митрий немецким шпиёном стал.

Если б знал тогда Баранов, во что его трепотня выльется, не хвастал бы, не бравировал, язык бы на двух замках держал. После разгрома Врангеля мобильные чекистские отряды по приказу соратницы Ленина, большевички Розалии Самойловны Землячки – товарища Демон, как ее называли, - с ноября двадцатого года фильтровали населенные пункты Крыма. Без суда и следствия расстреливали не только участников белого движения, но и сочувствующих им. Особое внимание уделяли бывшим пленным солдатам и офицерам.

Когда такой отряд появилась в районе хутора, где жили Барановы, местные активисты тут же доложили карателям, что Дмитрий Митрофанович жил в Германии и у него там вторая семья, что он оказывал материальную помощь белогвардейцам во время гражданской войны и не исключено, что являлся активным членом контрреволюционного заговора. Чего не знали, сельчане домыслили и дофантазировали.

- Интересный фрукт, - заметил один из чекистов, - по – моему, его надо доставить в Симферополь, в контрразведку. Пусть там с ним поработают. Уверен, птица он важная, многое знает.

Месяца два его допрашивали, выясняли факты, уточняли имена. Кроме амурных интересов за границей, других выявлено не было. Дмитрий Митрофанович вернулся домой. Семья облегченно выдохнула. Им показалось, что теперь все подозрения в шпионаже сняты с него навсегда.

В 1921 году в Крыму случилась сильнейшая засуха. Погибла половина посевов. А в августе начался голод, который продолжался два года и унес сто тысяч жизней крымчан. К тому же шестьдесят процентов крестьянских хозяйств осталось без скота, а двадцать восемь - без посевов. Создавшееся на полуострове и без того тяжелое положение усугубила политика молодой Советской власти, решившей преодолеть кризис путем грозных распоряжений, расстрелов, конфискации. Все это, естественно, рождало в сознании жителей полуострова враждебное отношение к Советской власти и создавало повод для различных форм борьбы, в том числе и повстанческого движения.

Костяком повстанчества были уцелевшие офицеры и солдаты Русской армии Врангеля, махновцы, недовольные политикой советской власти крестьяне и жители городов. Поодиночке и группами они уходили в горы и образовывали там небольшие отряды. В отчетах ЧК эти формирования значились как банды «бело-зеленых». Национальный состав их был разнообразным: здесь можно было встретить русских, украинцев, крымских татар, чеченцев, греков, армян. Впрочем, существовали и отряды, целиком состоявшие из представителей одной национальности, например, крымских татар.

Добратся до повстанцев было не так - то просто. Большевики часто брали в заложники родственников контрреволюционеров и членов их семей. К июлю 1922 года по тюрьмам Крыма за связь с «бело-зелеными» сидело более тысячи человек. Многие из них впоследствии были расстреляны.

Известен один случай, когда большевики выдвинули ультиматум жителям деревень Демерджи, Шумы, Корбек, Саблы, чтобы те выдали своих земляков, ушедших в горы, иначе они сожгут населенные пункты. В ответ селяне пообещали, что в случае исполнения угрозы они вырежут всех коммунистов не только в деревнях, но и в городах Алушта, Симеиз и Судак. В итоге красные сняли свой ультиматум. Значительное число мятежников потом было выловлено и расстреляно, другое - выслано за пределы Крыма как «неблагонадежные элементы», и только немногие были амнистированы с учетом «пролетарского происхождения» и «революционных заслуг».

В 1924 году в Крыму состоялся ряд показательных судебных процессов. Один из таких процессов прошел в селе Новоцарицинское Карасубазарского района, где на скамье подсудимых оказались главы четырнадцать семей. Подсудимым вменялось в вину оказание помощи мятежникам, их сокрытие от властей. Обвинения в отношении одиннадцати человек были доказаны, и по приговору Революционного Трибунала они были расстреляны. Остальные - приговорены к различным срокам заключения.

Зная обо всем этом, Баранов жил два года в напряжении. А через два года Дмитрия снова арестовали и доставили в Симферопольскую тюрьму. В этот же день он предстал перед сотрудником Особого отдела НКВД:

- По нашим данным, ты два года назад был арестован по обвинению в связях с лицами, подозреваемыми в контрреволюционной деятельности. Как удалось уйти от суда?
- Моя вина не была установлена, и меня освободили из – под стражи.
- Неглубоко, видать, копнули, - у чекиста злобно сверкнули глаза. – Назови лица, с которыми поддерживал связь, где они сейчас?
- Я никогда ни в каких контрреволюционных организациях не состоял, следовательно, ни с кем не общался.
- Нам также известно, что ты был активным членом мятежа, - не слушая Дмитрия, продолжал капитан.

- Не был.
- Врешь! - приходя в ярость, закричал чекист. – Ты будешь говорить?
- Ничего я не знаю! – отбивался Баранов.
- Карпов, зайди сюда, - позвал следователь помощника.

В кабинете появился здоровенный детина с шомполом в руках.

- Начинай!

Палач подошел к Дмитрию, подножкой опрокинул его на пол и начал бить. Дмитрий упал навзничь, больно ударившись головой, очевидно, на несколько минут потерял сознание и не мог ни пошевелиться, ни закрыться от ударов. После двадцати ударов Карпов остановился, а офицер стал расписывать последующие пытки, если Баранов не сознается. А он должен для следствия подтвердить, что является немецким агентом и членом контрреволюционного заговора.

- Продолжим, - чекист сел за стол. – Мы располагаем также данными, что у тебя в доме проходили тайные встречи заговорщиков. О чем вы говорили?

- У меня в доме никто никогда не собирался, у меня же полон дом детей. И вообще, я не имею никакого отношения к контрреволюционному заговору.

- Это я буду решать, имеешь ты отношение к мятежу или нет. Говори!

Баранов едва стоял на ногах, кровавые полосы просочились сквозь рубашку, его тошнило от удара затылком, кружилась голова, горели огнем раны.

Видя такое состояние заключенного, следователь снова позвал помощника.

- Карпов, отведи арестованного в камеру, на сегодня хватит. Не будет сейчас от него толку.

А Дмитрию Митрофановичу сказал:

- Тебя сейчас только погладили, погоди еще, если этого мало, будем бить по нервным узлам. Это уже немногие выносят, а будешь еще упрямиться, запустим штук пять холодных клизм. Это выносят еще меньше. Если и тогда не поможет, сделаем из тебя шомполом мясо, посыплем солью и оставим на пару часов помариноваться, чтоб поразмышлял, как себя вести. Этого еще никто не вытерпел, все сознавались.

Баранова вернули в камеру, где еще полтора десятков мужиков из близлежащих деревень ожидали своей участи.

Завидя избитого, сокамерники помогли Дмитрию добраться до нар. Подошел невысокого роста старичок.

- Я фельдшер, давай посмотрю спину, - произнес он. - Ложись на живот.

Баранов с трудом лег на живот, его стало рвать. Тело горело. Боль при малейшем движении была такая, что темнело в глазах. Стиснув зубы, чтобы не закричать, он терпел дикую боль. Фельдшер осторожно снял рубаху с избитого. Она была вся в крови и разрезах от шомпола.

- Что с тобой сделали, изверги! – ахнул лекарь, глядя на кровавые вздувшиеся рубцы с разорванными и вывернутыми наружу краями. - Даже волки не издеваются так над жертвой. Сразу убивают, чтобы не мучилась, а тут люди... Хуже зверей.

Он порылся в своем мешке и вытащил из тайника под подкладкой несколько пузырьков.

- В одном облепиховое масло, - сказал он, - в другом- настойка календулы. Сейчас обработаю твои раны, потом смажу их облепиховым маслом. Дай Бог, заражения не будет. Что уж есть под рукой, не взыщи.

- Спасибо, живы будем, в долгу не останусь, - тихо произнес Дмитрий.

- Твои бы слова Богу в уши, - горько усмехнулся старичок.

- Верно говорит фельдшер, - поддержали сидельцы лекаря.

- Да кто тут выживет? – снова безнадежно вздохнул фельдшер. Потом продолжил. - Когда меня вели на допрос, я спросил у чекиста, не знает ли он, когда состоится суд. Знаете, что сказал он? «Сто плетей за шкуру, и на вешалку — вот наш пролетарский суд над вами, контрами».

В камере нависла тревожная тишина. Неужели такая участь ждала каждого? Ведь, действительно, страшный суд вершился по ночам в глухом застенке. Приговор составлялся заранее, проговаривался коротко: «Расстрелять!». Подсудимого вводили в кабинет только для того, чтобы объявить ему эти страшные слова. Часто решения выносились заочно и объявлялись подсудимому перед стволом винтовки или под петлей. Приводили в исполнение приговор небольшие группы в составе двух-трех полупьяных чекистов.

Несколько недель Баранова не вызывали на допрос. Раны на спине стали заживать, жар спал. Но на прогулку из камеры он не выходил. По-прежнему болели рубцы, сковывая тело.

С каждым днем «врагов народа» становилось все меньше. Поздно вечером в дверях появлялся охранник, называл фамилию арестованного и командовал:

- С вещами на выход!

В камере знали: человек больше к ним не вернется.

-Что – то не вызывают меня на допрос, - Баранов вопросительно посмотрел на фельдшера. – Это плохой знак?

- Не знаю. По- моему, что – то у чекистов не срастается в отношении тебя. А может, что – то другое. Не переживай, вызовут!

Как в воду глядел лекарь. Через день конвойный пришел за Барановым.

- С вещами?

- Не велено!

В допросной Дмитрия Митрофановича встретил человек в военной форме.

- Гражданин Баранов, ваше следственное дело передано мне. Товарищ, который работал с вами, отстранен от дела за упущения в работе. Моя фамилия Михайлов.

«Неужели и этот садист?» – промелькнуло в голове у арестованного.

- Присаживайтесь, - Михайлов жестом показал на табурет, стоявший в середине комнаты.

«Вежливый, на Вы обращается», - отметил про себя Баранов.

- Итак, начнем. Дмитрий Митрофанович, вы обвиняетесь в контрреволюционном заговоре. Дайте пояснения по этому поводу.

- Вашему предшественнику я уже давал разъяснения, посмотрите протокол допроса.

- Знаю. Но хочу лично услышать вас.

- Еще раз повторяю: никакого участия в контрреволюционной деятельности я не принимал, и вообще политические вопросы меня не интересуют. Я крестьянин, люблю на земле работать.

- Вы даете неправдивые показания, а следствие требует правдивых показаний.

- Мои показания самые правдивые.

- Против вас дал показания гражданин Широков.

- Я не знаю такого гражданина.

- Как же? Он показал, что вы входили в координационный совет заговора.

- Это неправда! – вскрикнул Баранов. – Ну, вранье же!

- Хорошо. При обыске вашего дома найдена фотокарточка царя Николая II. Это есть проявление контрреволюционного порядка.

- Виновным себя не признаю. Снимок принадлежит моим родителям. Ко мне попал вместе со шкатулкой их старых фотографий. Между прочим, фотокарточка царя Николая мною была вытащена для уничтожения, но затерялась среди вещей. Вообще не знаю, как она там оказалась снова. Может, подбросили.

- Назовите круг лиц, посещавших ваш дом, и расскажите о характере разговоров с ними?

- О том, что дом посещали мои брат и сестра, я уже говорил. Разговоры, которые вел, были семейные, бытовые, они не носили политического характера.

- На предварительном следствии вы показали, что были в плену у немцев. За какие заслуги вместо концентрационного лагеря вы оказались на ферме у богатой фрау?

- Начальник лагеря оказался братом фермерши. Его сестра взяла меня и еще одного военнопленного для работы на ферме и в поле.

- Какое задание германской разведки вы получили, когда вернулись в Россию?

- Никакое. Эту вину мне вменяют безосновательно. А вот то, что у меня там осталась гражданская жена и дочери – двойняшки, – правда.

- Ваши показания неискренни.

- Больше мне сказать нечего.

- Последний вопрос. Ваше отношение к Советской власти.

- Я думаю, что советская власть – явление временное, как любая власть.

- Понятно. Вы твердо стоите на позиции контрреволюции и являетесь опасным элементом для Советской власти.

Следователь вызвал конвойного.

После вечерней поверки в камере, где находился Баранов, наступала мучительная осенняя ночь. Спать арестованные размещались, кто как мог. Вдоль низких каменных влажных стен были приделаны деревянные нары, обтянутые грязными мешками. Но не все счастливыцы могли спать на нарах. Время от времени каземат переполнялся арестованными. Многим приходилось размещаться прямо на голом полу, вповалку. Спали и под нарами, и рядом с вонючей парашей. Ночью было холодно и сыро. В окнах не было стекол, только решетки, и по камере гулял сквозняк. Дмитрий Митрофанович занимал верхний ярус нар. Там было теплее. Как – никак старожил. На допрос больше не вызывали, и это очень беспокоило. Трудно жить человеку в неведении.

В один из вечеров в камере появились двое чекистов. Выкрикнули фамилии арестованных. Среди них был и Баранов.

- На выход. Без вещей! – скомандовал старший.

Арестованных вывели из тюрьмы. Двое, сильно избитых, не могли самостоятельно идти, опирались на товарищей. Только завели за угол тюрьмы, как конвой, идущий впереди и по сторонам, зашел сзади и перестроился в цепь.

- Навались на меня, парень. Только не падай, а то запинаят, - прошептал Дмитрий одному из шатавшихся сокамерников.

Послышалось клацанье затворов винтовок. Через секунду раздался залп.

Глава 2. Зорька плакала.

В комнате повисла тишина, будто плотная вата заполнила все пространство и не давала и звуку прошепестеть.

- Мда, - промычал Борис. – Давайте, братья – сестры, за деда Дмитрия тоже выпьем. За нашего с Николаем деда. Сейчас рюмка будет в самый раз от услышанного.

Нина поставила на стол еще одну бутылку и тарелку с нарезками из холодного мяса, сыра, молочной колбасы, овощей. Родня не чокаясь выпила в молчании.

- Я был на кладбище в Крыму, искал могилу деда. Нашел некоторых родственников, а деда Дмитрия нет. Видимо, и не хотели, чтоб родственники нашли могилы расстрелянных.

- Что там у тебя еще в папке, брат? – Борис кивнул на Володин рюкзак. – Доставай.

- Там еще папочка Крымских документов.

- Доставай, - повторили Лидя, Валентина и Алевтина.

- А осилим? Может, хватит на сегодня?

- Доставай, Володечка, - присоединилась к сестрам Галина. – Не томи. Что дальше?

- Ну, что ж. Вечер у нас долгий. И ночь впереди. Всех по очереди сегодня поминать будем, - Владимир потянулся к рюкзаку. - А дальше баба Катя жила одна с ребятишками. Жила, как могла. Сами знаете, дальше – раскулачивание. Жили, как на вулкане. Мне разрешили познакомиться с документами Государственного архива автономной республики Крым с 1920 по 1930 годы, направленными в Феодосийскую городскую комиссию по вопросам восстановления

прав реабилитированных. В них я без труда нашел историю жизни наших близких родственников, раскулаченных и сосланных как «врагов народа» на Северный Урал. Оттуда узнал, каким богатством они владели и как были (уже после смерти) реабилитированы.

Перед родней легли материалы архивного дела Феодосийской городской комиссии по вопросам восстановления прав реабилитированных № 98100 по делу Барановой Екатерины Ивановны.

Архивная справка.

«В фонде Сейтлерского райисполкома имеются следующие сведения о Барановой Екатерине Ивановне, жительнице деревни Бешикуртка – Вакуф (так в документе) Бешикуртка – Вакуфского сельсовета Феодосийского района Крымской АССР.

1)

Выписка из протокола № 41 заседания ЦИК от 25 марта 1930 года, в которой указано, что Баранова Екатерина Ивановна была лишена избирательных прав на основании п. «

II

» статьи 15 Инструкции ВЦИК о выборах, как находящаяся в материальной зависимости от лица, лишенного избирательных прав.

(Пунктуация и орфография сохранены. – Авт.)

(В переводе с канцелярского языка на русский, человеческий, это означало, что она повинна в том, что была женой Баранова Дмитрия Митрофановича, расстрелянного чекистами в 1924 году за участие в контрреволюционном заговоре против Советской власти. - Авт.)

2)

Выписка из протокола № 9 заседания правительственной комиссии по разбору дел и жалоб лишенных избирательных прав при Феодосийском райисполкоме от 9 мая 1930 года, в котором указано, что комиссия постановила Баранову Екатерину Ивановну оставить в списках лиц, лишенных избирательных прав.

3)

Справка Бешикурт - Вакуфского сельсовета от 2 февраля 1929 года, в котором указано, что муж Барановой Екатерины Ивановны Баранов Дмитрий расстрелян в 1924 году за участие в контрреволюционном движении.

Имущественное положение Барановой Е.И.: земли – 13,75 сажень, фруктового сада – 0,8 гектара (так в документе), 2 лошади, 2 коровы, одна свиноматка, один плуг, один буккер (так в документе), одна лобогрейка (так в документе), одна бричка.

4)

Заявление Барановой Е.И. 30 декабря 1929 года, в котором указано, что Баранова (урожденная Непретимова) Екатерина Ивановна, 40 лет (так в документе), жила с детьми: Павлом - 19 лет, Митрофаном - 16 лет, Дмитрием – 15 лет и дочерью Марией 18 лет (так в документе), отец которых Баранов Дмитрий Митрофанович был арестован в 1924 году.

Других сведений о Барановой Екатерине Ивановне в Госархиве в Автономной Республике Крым, не имеется. (Пунктуация сохранена. – Авт.)

Директор Л. В. Гурбова

Хозяйство уполномоченными ОГПУ было конфисковано.

Екатерина Ивановна как могла боролась с несправедливым решением. Семья оставалась без средств. А ведь надо было чем-то кормить четверых детей – тогда еще подростков. Баранова обратилась за помощью в поселковый комитет бедноты. Председатель хорошо знал многодетную семью, которая исправно платила все налоги и пользовалась в деревне авторитетом. На заседании комитета было решено вернуть Барановым одну корову, главную семейную кормилицу. Так Зорька вернулась в свое стойло.

Вечером, уже впотьмах, к Екатерине постучался дальний родственник.

- Катя, - у меня в хозяйстве остался бычок. По секрету добрые люди из сельсовета шепнули, что завтра ко мне придут активисты и заберут последнюю животину. Я зарезал корову, но спрятать мясо некуда. Сама знаешь, какое у меня хилое подворье. Разреши спрятать мясо у тебя. Не обижу, поделюсь говядиной.

- А если обнаружат? - засомневалась Екатерина Ивановна.

- Не переживай, не обнаружат. Все сделаю, как надо.

- Привози.

Ночью родственник завернул куски мяса в разные тряпки и закопал в навозную кучу, которая копной возвышалась за сараем. Во дворе все подчистил, чтобы не осталось никаких следов.

Утром «гости» были тут как тут у родственника. Заглянули в стойку - нет бычка. Стали интересоваться, где скотинка? Хозяин честно признался, что бычка давно зарезал, а мясо продал на железнодорожной станции. Уполномоченные не поверили ему и стали искать схрон. Пустили по следу собаку. Та побегала, побегала по двору и стала тереться о ногу вожатого.

- Овчарка ничего не учуяла, - сказал уполномоченный, - наверное, правду говорит хозяин.

И тут один из активистов предположил:

- А что, если мясо поискать у его свояченицы?

- Барановой? - оживился старший. - А что? Все может быть. Давайте и у нее поищем.

Увидев уполномоченных у себя во дворе, да еще с собакой, Екатерина Ивановна всерьез заволновалась: вдруг найдут? Тогда у нее точно отберут Зорьку. Мол, не оправдала доверия Комитета.

Овчарка быстро учуяла спрятанное мясо. Стала бегать по навозной куче. У Барановой сердце зашлось: все, пропала!

Уполномоченной подошел к овчарке. Ты уселась на куче, как бы сторожа добычу. Тут подбежала пятилетняя племянница Танюшка, которая играла во дворе. Вожатый спросил у девочки:

- Дочка, скажи, а не знаешь, где мясо?

Девочка засмеялась и показала на овчарку.

- У собачки под хвостом!

- Районный активист выругался:

- Екатерина Ивановна, уведи девчонку. Нездоровое мышление у ребенка. Что из нее вырастет?

Не догадались уполномоченные, что девочка говорила правду. Побродив по подворью, гости удалились ни с чем. Так мясо удалось спасти. Зато потом Екатерина Ивановна каждый день варила детям щи с малюсенькими кусочками мяса, сэкономила.

Несчастья последовали один за другим: после расстрела Дмитрия из феодосийской гимназии отчислили Марусю, проучившуюся там два года. Мария хорошо училась и хотела стать после обучения учительницей. Все планы на жизнь рухнули, как и в свое время у Кати.

Потом понадобилось вспахать кусок целины, а самой ей не под силу.

Осенью уполномоченные изъяли всех здоровых лошадей, как они говорили, для нужд Красной Армии. На конном дворе остался старый мерин и две больные кобылы, которых по воскресеньям местный конюх Тиша запрягал для подвоза воды в поселковую баню и прачечную. Для других работ доходяги не годились. Об этом он сразу сказал Екатерине Барановой, когда та попросила лошадку, чтобы вспахать огород.

- Мужа нет, а подростки в доме – какая от них помощь? – просила Катя.

- Не могу помочь. Многие семьи для вспашки огородов стали использовать своих буренок.

Чтоб вспахать огороды, одни хозяева сами впрягались в плуг, другие использовали коров, если таковые имелись на подворье. Екатерина Ивановна кормилицу Зорьку жалела.

Вот уже несколько дней подряд, возвращаясь с поля, Екатерина задавала старшему сыну Павлу один и тот же вопрос:

- Не приехали?

Тот разводил руками:

- Сама видишь.

Мать, конечно, все видела, ну, а вдруг шутит сын. Гости где – нибудь во дворе спрятались. А поджидала она из дальней деревни брата с женой, обещавших на своей лошаденке вспахать часть земельного надела. Там она планировала посадить кукурузу с картошкой.

- Время для посадки уходит, а брат с невесткой не торопятся, - сетовала она. - Обещали же выручить. Никто их за язык их не тянул.

Катя была женщиной очень хозяйственной. Умудрялась на целый год растянуть небольшой запас кукурузы и картошки. Кроме картошки и кукурузы, она планировала высадить семена капусты и помидоров с огурцами. А ведь многие в деревне действительно бедствовали. Весной приходилось питаться лебедой и крапивой, чтобы сохранить семена для посадки.

Дети постоянно видели мать в работе и во многом помогали. Утром председатель сельсовета приносил наряд на общественные работы. Она тут же спешила к месту сбора и до вечера трудилась в поле. Вечером, после дойки Зорьки, тщательно цедила молоко, и, перекусив на скорую руку, делала домашние дела, молилась Богу, чтобы жизнь у ее детей была легкой, и только тогда ложилась спать.

Наступило воскресенье. Екатерина разбудила детей, как только взошло солнце, чего раньше не делала.

- Поднимайтесь, будем огород пахать. Надо срочно садить картошку и кукурузу. Время вышло.

- Так земля, вроде, еще не готова, - возразил Павел. Он понимал, что лошади нет, самим не осилить пахоту.

- Будем на корове пахать.

- Пахать на Зорьке? – удивился Павел.

Маруся заплакала.

Низкорослая рыжая Зорька молока давала не очень много, но хозяйка не стала менять ее на «ведерницу», когда появилась возможность: реквизировали корову - рекордистку у деревенского единоличника. Тот предложил обменяться коровами. Екатерина Ивановна поблагодарила благодетеля, но отказалась от обмена. Привыкла к своей Зорьке. А уж как она заботилась о кормилице! Старалась не упустить момент, чтобы успеть выкосить сочную траву у ближних овражков. Всегда готовила вкусное пойло, а перед дойкой угощала еще и корочкой хлеба, посыпанной солью.

Павел с матерью приладили к плугу постромки и запрягли Зорьку. Корова упрячилась и никак не хотела трогаться с места. Паша огрел ее кнутом. Зорька дернулась от обиды и унижения и пошла, мотаясь со стороны в сторону, отчего борозда получалась зигзагами. Плуг ей был явно не под силу. Зорька все норовила вырвать из рук веревку, за которую ее вела хозяйка.

Мучились целый час. Корова все артачилась. И когда Павел в очередной раз замахнулся на нее кнутом, строптивая Зорька кинулась вбок, вырвала из рук Екатерины Ивановны веревку и, брыкая, понеслась вместе с плугом по огороду.

- Зорька, Зоренька, стой! - кричала вслед хозяйка, но корова и ухом не повела. Остановилась только тогда, когда плуг зацепился за пенек у забора.

- Все, хватит издеваться над животинкой, - решила Катя, - надо отцепить плуг и отвести корову в стойло.

Они с Павлом трудом поймали Зорьку. И тут появились долгожданные помощники на лошади.

- Чего – то долго ехали, - упрекнула Катя.

- Были причины, - уклончиво ответил брат.

Выяснилось, что они сами садили картошку, а тут еще дочка занемогла.

- Ладно, соловья баснями не кормят, - миролюбиво сказала Екатерина Ивановна и пригласила гостей к столу. Те не отказались – надо сначала отдохнуть. Путь был неблизкий. Тронулись в путь они еще в четыре часа утра.

На другой день к обеду часть земельного надела была вспахана. Картошку и кукурузу посадили быстро. Вечером Катя от Зорьки пришла расстроенная.

- Корова как с ума сошла, - жаловалась она, - не подпускает, брыкается. Хотела вас парным молочком угостить.

- Не беспокойся, обойдемся без молока, - успокоили гости.

Утром они уехали к себе. Екатерина позвала Павла помочь ей подоить корову. Зорька, увидев хозяйку, заметалась по стойке. Наконец, Паша привязал ее рога к скобе и поднес к губам краюху хлеба, посыпанную солью. Корова отказалась от угощения. Павел с удивлением посмотрел на корову и тут увидел слезинки, скатывающиеся из глаз Зорьки. Удивленный, он закричал матери:

-Мама! Зорька плачет!

- Зорька! Зоренька моя! Ну, что ты, хорошая моя? - Екатерина смотрела на слезы кормилицы, обхватила ее шею, стала целовать морду и тоже заплакала навзрыд.

Глава 3. «И дым отечества...»

- Ты искал в Крыму могилу прадеда Баранова или его родственников? - спросила Галина.

- Конечно! Даже нашел людей, которые еще помнят бабу Катю!

Сестры заулыбались.

- Скорее, рассказывай!

- Правда, дядь Володь, давай уже! – стал поторавливать сын Бориса Сергей.

-Я сначала гостил у двоюродного брата Дмитрия, сына дяди Митрофана. Неделю пили вино, ели виноград. Потом я его сагитировал поехать в Заречье, которое раньше называлось Дортэ, где родилась баба Катя.

У магазинчика мы остановили такси, чтоб сориентироваться, куда дальше ехать, есть ли какие приметы, по которым можем найти хотя бы место нашего дома. Я вышел купить бутылку минеральной воды.

За прилавком сытая, загорелая, благополучная молодая женщина пересчитывала мелочь и раскидывала ее по коробочкам.

- Красавица, а вы не знаете, кто из местных пожилых мог бы нам рассказать о давних жителях?

- А как же ж? Вера Николаевна Кузьмина. Я вас умоляю! Лучшие и искать не надо.

Она вышла со мной на улицу, чтоб показать ее хату, стоящую через несколько домов.

- Повезло вам, мужчины, что вы встретили именно меня, я знаю, к кому направить, - кокетливо окинула она нас взглядом. – Если кто и может помнить что-то, так это только Вера Николаевна. Живая история деревни. Она как раз два дня назад от сына приехала. Гостила, с внуками нянчилась.

Мы подкатили к низенькому забору, который ни от чего не защищал и не укрывал от посторонних глаз. Он, как щербатый рот, сделан был из редких гладких кольев, стянутых виноградными прутами.

- Вера Николаевна! – крикнул я, не заходя во двор.

Старушка появилась скоро, видно, отдыхала в тенике на ступенях домика, где был постелен пестрый старенький домотканый коврик.

Её глаза излучали такое тепло, такую любовь, что я даже оторопел. В голове мелькнуло: «божий человек» да и только. Вера Николаевна была в простеньком платье и цветастом переднике. Она никак не выглядела в 92 года на свой возраст.

- Вы чьих будете? – странно спросила она.

- Барановых, - с ходу ответил ей я.

- Каких именно?

- Екатерина Ивановна. Непретинова в девичестве.

- Конечно! Я с детства живу здесь, хорошо помню Екатерину Ивановну Баранову и ее дочку Марусю.

Речь ее была грамотная, четкая, понятная.

- И Катю, и ее сыновей, и дочку Маруську – всех хорошо помню, - продолжала она. - Я частенько лазала к ним в сад, где их дедушка угощал нас, детвору, фруктами, иногда - конфетами, что было редкостью в те годы. Пойдемте, покажу, где был их сад. Он был гордостью хутора Барановых.

- Хутора? - переспросил я.

Заметив, мой удивленный взгляд, пояснила:

- Мои родители рассказывали, что основателем хутора Дорте Бешикуртка – Вакуф был отставной солдат по фамилии Баранов. Кстати, в разговорном крымско-татарском языке Дортэ означает «четыре».

Мы остановились на берегу небольшой реки.

- Карасевка называется, - старушка устало оперлась на палку. - Сад Барановых был на этом месте, вдоль этой реки.

Вера Николаевна замолчала, думая о чем-то о своем. И я молчал, всматриваясь в грязные воды речушки. Вдруг вспомнились строки из справки, выданной реабилитационной комиссией:

«Имущество семьи Барановых было конфисковано в неделимый капитал только что образованного товарищества по коллективной обработке земли. Пашни –13,75 х 78,23 сажень, фруктового сада – 0,8 гектара, две лошади, две коровы, одна свиноматка, один плуг, один буккер, одна лобогрейка, одна бричка...»

- Сад вскорости местные власти приказали вырубить. Это случилось, когда ваших родственников раскулачили и отправили в Сибирь. - Вера Николаевна остановилась около старого плетня и показала на заросший кустарником и чертополохом бывший сад наших Барановых.

Знаете, ребята, у меня сердце внутри сжалось. Я вспомнил, как мама рассказывала о своих свиданиях здесь со своим любимым, о первом их поцелуе... Вот на этом самом месте!

- И я помню этот рассказ! – оживилась Валентина. – Ей тогда было семнадцать лет, счастливая девушка, полная радужных надежд, она хотела просто хорошо жить.

- Да...Но, увы... Не судьба. Она еще не знала, что ждут ее годы ссылки, расстрел матери, якобы как врага народа, скитание по северному Уралу.

- А вот здесь стоял дом Дмитрия Митрофановича Баранова. Каменный, большой, - продолжала Вера Николаевна показывать на чуть видимый под травой и культурным слоем фундамент строения из местного ракушечника. - Почти до семидесятых годов (двадцатого века) в нем была школа.

- Я обошел фундамент дома, потрогал нагретый крымским солнцем ракушечник. Он шершавый, теплый, и, кажется, он отдавал мне свое тепло вместе с памятью о родных людях. В голове был полный сумбур. Присел на какой-то валун, наверное, что –то оставшееся от несущей перегородки, пытался унять сердцебиение, даже положил валидол под язык. Через минуту боль в груди прошла, и я сфотографировал то, что осталось от родового гнезда.

- В реальность нас вернул клаксон такси. Посмотрел на часы. Ба! Я продержал машину уже час. Попрощались мы с милой Верой Николаевной, молча сели с Дмитрием в такси. Понимая мое состояние, водитель не задал на одного вопроса.

... Я вообще не люблю жаркое лето: душно, мухи. Обожаю осень, особенно раннюю. Знаете, в Крыму это время года вдвойне прекрасно. Едешь в Таврии по степи, между горами и морем. Это одно из прекраснейших мест, которые я видел в своей жизни. Здесь почти всегда чистое небо, климат мягкий, но очень засушливый, как многие места Черноморского побережья.

- А какой там воздух! – подхватил Борис. – Душистый, мягкий, сладкий и прозрачный, Им не дышишь - его пьешь и не напьешься. Это хорошо заметно после нашего разряженного зимой северного воздуха. В нем всегда дефицит кислорода. Мы часто бывали с женой в Крыму до разрыва с Украиной.

- Мы поехали в Ново – Ивановку, - продолжил Владимир. - Вдоль дороги опустевшие виноградники, бахчи. Огромные валуны, будто с древнейших времен сторожат. Вдали виднеются лесополосы с дикими абрикосами. Земля плодородная, хотя на первый взгляд иссушена солнцем. И во всем там чувствуется свое неповторимое очарование. Степь, холмы, ветер. Небо окрашено в темно-синий, бирюзовый цвет, оно живописное и загадочное. Через три километра подъехали к сельскому кладбищу. Чуть в стороне - несколько домов. Остановились у приглянувшегося саманного строения, во дворе которого с тележкой суетился мужик среднего возраста.

Я позвал его в открытое окно такси:

- Здорово, товарищ! Поговорить можно?

Тот, оглянувшись на голос, закивал головой:

- Отчего не поговорить? Подгребайте до хаты.

Я открыл калитку и вошел в очень ухоженный двор с летней кухней, дворовыми постройками, – совсем, как у нас на Урале.

- Слышь, хозяин, помоги. Мои бабушка, дед и прадед жили на бывшем хуторе Дортэ до 1930 года. Затем их семью раскулачили и выслали на Урал. Может, что слышал об этой семье?

- Мать! - кричит мужик. - Иди сюда! Тут люди ищут свои корни. Ты же все про нашу деревню знаешь... и людей помнишь. Я –то сам давно здесь не живу, - обернулся он к нам. – Матери приезжаю помочь.

Из дома вышла женщина лет восьмидесяти.

- Здравствуйте, - хозяйка приветливо улыбнулась. – Меня бабой Лидой кличут. Жукова моя фамилия. Я тутешняя. Родилась еще в то время, когда, деревня носила татарское название ...

- Бешикуртка – Вакуф? - подсказываю я.

- Точно. А вы откуда знаете? Сейчас мало кто помнит это название. Кого ищите – то?

- Барановых, моих ближайших родственников. Дед и прадед должны быть захоронены здесь на кладбище. Деда чекисты расстреляли в 1924 году, а прадед умер перед высылкой семьи на Северный Урал.

Старушка пригласила присесть на лавочку, внимательно всматриваясь в меня. Мне стало неуютно от ее взгляда.

- Вот решил найти корни своих предков, подробнее узнать об их судьбе...

- Про Барановых я слышала от своего отца Жукова Николая Михайловича. Он был близко знаком с твоим дедом и прадедом. Зажиточные люди были. Земли много имели, лошадей, овец. Шибко богатые по тем временам были!

-Почти триста гектаров пашни. Узнал из документов о реабилитации моей бабушки Екатерины Ивановны, - пояснил я.

- Да, - подтвердила баба Лида. - А у них даже свое родовое кладбище было. Вернее, оно и сейчас есть, только заросло все.

- Во, как! – я был удивлен такой подробностью.

- Я знаю, где кладбище находится, - поддержал старушку ее сын. Мы в детстве там часто играли в войну. Там такие надгробные плиты были интересные: с надписями, рисунками, высеченными барельефами.

- Мой отец рассказывал, что Барановы единоличниками были, не любили Советскую власть, жировали, когда другие голодали. Вот за это и поплатились. Власть зря не наказывала, - баба Лида говорила об этом как о непреложном факте.

Я не пытался ей возражать, понимая, что все это бесполезно. Иначе придется объяснять старушке многое такого, чего она все равно не поймет и не примет. У нее своя Правда. А у нас, живших на переселении на Урале, - своя.

- Может, проводите до кладбища, - прошу я мужичка, - хочу проведать своих предков.

- Петро, сходи с человеком на кладбище, покажи, что хотят. Да возьми с собой лопатку и металлические щетки, там многие плиты уже вросли в землю, мхом покрылись, придется расчищать...

Петро засуетился, кинулся в сарайчик, долго гремел там железками и, наконец, вывалился наружу с необходимыми инструментами в руках.

- Понимаешь, вчера с мужиками пива попили, - хитро глянул на меня Петро. - А старое кладбище еще хорошо сохранилось. Обязательно найдем ваших родственников, - тараторил он.

По всему было видно, что ему очень хочется услышать от меня слова, которые бы его взбодрили.

- На пиво ты по - любому получишь, - заверил я.

Петро заулыбался и скорым шагом устремился к кладбищу, так что мы с трудом поспевали за ним. Дорога раздвоилась.

- Одна из них идет на кладбище, где сегодня хоронят, она, вишь, накатанная, другая, посмотри, еле заметная – это куда нам нужно, к вашему погосту, - объяснил Петро.

- Почему «к нашему погосту»? – поинтересовался я.

- Так на нем же ваши родственники упокоены.

-А-а.

Я раньше никогда не обращал внимания на планировку последнего пристанища людей, его расположения. Кладбище и кладбище. Что в нем может быть необычного? Помню, наше поселковское, где мы с Колей родились.

- И мы с Борисом, кстати, - добавила Галина.

- Да, и вы с Борей. Не знаю, ходили ли вы на то кладбище. Там хмурые ели в обхват, зеленый мох, деревянные кресты, изредка памятник в виде обелиска с красной звездой. Оградки, сваренные из арматуры и покрашенные в черный или голубой цвет. На окраине кладбища всегда куча старых венков с блеклыми траурными лентами. Мне не нравилось бывать там. Я не ходил провожать в последний путь сельчан. И только один раз был на похоронах дяди Павла, маминого брата. Это была первая смерть моих близких в поселке.

- А помнишь, - сказала Валентина, - после самоубийства четы фронтовиков стали ходить слухи (особенно судачили об этом подвыпившие бабы), что на кладбище по ночам стал приходить призрак, которого довольно быстро окрестили Хозяином погоста. Люди якобы видели сероватый силуэт согбенного старика, который бесшумно двигался между могил. Наш класс - без меня, конечно, - ходил специально посмотреть на этот призрак в полнолуние: кто – то сказал, что именно в эти дни он и появляется. Но, увы, свидание не состоялось – хозяина не увидели. Было только свечение над одной свежей могилой.

- Помню, конечно. Но там, в Крыму, на родине наших предков, древнее кладбище выглядит совсем по-другому. Только приглядевшись, можно угадать в чуть видимых холмиках могилы. Трудно разглядеть среди пожухлой травы и прошлогодних высохших кустарниках старые, ушедшие в землю почти целиком остатки надгробий и ржавые кресты, зеленые от мха обломки мраморных памятников и барельефы. На них полностью отсутствуют позолоченные вычурные кресты, массивные чугунные ограды, таинственные подземные склепы, которые, как мне казалось, должны быть на дореволюционных погостах.

Я увидел надписи: Плаксины, Сальцины, Полюшкины, Древятники. Эти фамилии часто произносились в нашей семье. Это все наши дальние родственники.

Смотрю, Петро машет рукой – что – то обнаружил интересное. Подхожу. Несколько надгробных плит чуть выглядывают уголками.

- Давай расчистим эти плиты. Мне кажется, я раньше где – то здесь встречал фамилию «Баранов».

Я начал яростно очищать железными щетками поверхность от многолетнего мха и лишайника. Медленно проявлялись буквы. С трудом пытался читать. Понял, что это не та фамилия. Скребу следующую – мимо.

- Все, мужики, перекур, – сказал я и привалился к оградке, чтоб отдохнуть. Петро куда – то исчез.

Отдохнув, начал все по новой. Чуть видны буквы. Читаю и ничего не понимаю. Перечитываю. Вдруг до меня доходит, что это могила моего прадеда. «Здесь покоится Баранов Иван Митрофанович. Родился 23 сентября», год рождения и смерти не просматривается.

Меня как током ударило – здесь похоронен прадед! Пытался осмыслить происходящее. Получилось плохо. В голову полезли мысли: прадед Иван Митрофанович умер своей смертью, а моего деда Дмитрия расстреляли чекисты как пособника белогвардейцам и немецкого шпиона. У первого есть место упокоения – могила с надгробной надписью, а у деда – пока только память о нем. Сколько ни бился, так и не удалось найти его могилу. Где похоронен?

Мы вернулись в дом бабы Лиды. Она ни о чем не спрашивала. Все поняла по моему виду, да и сын Петро уже доложил о нашем походе.

- А показать, где стоял дом прадеда Ивана Митрофановича, сможете? Хотя бы приблизительно?

- Почему приблизительно? Точно покажу, его ведь снесли только лет двадцать назад. Татарин там какой – то землю выкупил и начал строить новое жилье. Петро, сходи, покажи гостю, где строится Мустафа.

Петро радостно замахал руками. Видно, что деньги, которые я ему дал, уже ушли по назначению. Глаза блестят, речь полупонятная. Минут через пять остановились около кучи стройматериалов: кирпича, досок цемента...

- А это точно здесь? – поинтересовался я.

- Конечно, вот видите, лежит куча ракушечника – это остатки фундамента дома, - Петро опять замахал руками, - а пиво подорожало, - без всякого перехода продолжил он.

Я молча достал еще купюру и вручил ему. Он моментально исчез. А я сделал несколько фотографий на память.

Вот оно: начало начал. Я всматривался в место, где жил прадед Иван Баранов, делал свои первые шаги, где бегал он пацаном и дрался со сверстниками. Где влюблялся и женился. Боже, как короток век человеческий!

Опять запылила дорога. В душе были легкость и умиротворение.

4. Пересылка

Историческая справка

Выступая на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в конце декабря 1930г., И.В. Сталин впервые озвучил лозунг о «ликвидации кулачества как класса»: «Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производством колхозов и совхозов». В речи Сталина и постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. была провозглашена политика «ликвидации кулачества». Методы и формы ее практической реализации выработала созданная в середине января 1930 г. комиссия во главе с секретарем ЦК В.М. Молотовым. Итогом работы этой комиссии стала подготовка проекта постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», принятого 30 января 1930 года.

В районах коллективизации, согласно инструкции, у кулаков конфисковали «средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия производственные и торговые, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также и наличные деньги».

Раскулачивание рассматривалось государством как кампания по уничтожению кулачества. Производилось оно следующим образом. Сразу же после выхода постановления на территориях, где проводилась сплошная коллективизация, создавались специальные «тройки», состоявшие из первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и уполномоченного ГПУ. Они рассматривали вопрос о принадлежности того или иного крестьянина к кулацкому классу.

Также 4 февраля 1930 года была издана секретная инструкция Президиума ЦИК СССР «О выселении и расселении кулацких хозяйств», подписанная председателем ВЦИК СССР М. И. Калининым и председателем СНК СССР А. И. Рыковым.

Кулаков следовало разделять на три категории. К первой принадлежали организаторы и исполнители террористических актов и антисоветских восстаний – они передавались органам ГПУ для выяснения меры их личной вины, а члены их семей выселялись в отдаленные районы страны. Ко второй относился «оплот кулачества в деревне», они с членами семей тоже выселялись в отдаленные районы. К третьей категории принадлежали все остальные кулаки, которые вместе с семьями выселялись за пределы колхозных земель, но в своем районе (то есть они не попадали в спецпоселения). Имущество выселенных конфисковывалось и становилось колхозным.

Прибывшие на новое место кулаки (главным образом, второй категории) и члены их семей приобретали статус спецпереселенцев. В число спецпоселенцев входили не только кулаки, но и выселенные из городов антиобщественные элементы (бродяги, пьяницы), а также лица, совершившие не тяжкие правонарушения, которым лагерь заменили спецпоселением. Жили они в спецпоселках, построенных в местностях, где ощущался недостаток рабочей силы, находящихся не ближе 200 километров от границ, железных дорог, городов и селений. Их не принимали в профсоюзы и в партию, из их зарплат удерживались деньги для содержания администрации спецпоселения, наконец, они были лишены всех избирательных прав.

Всего за два года кампании (1930–1932) было переселено около двух миллионов человек, то есть около 400 тысяч семей, или около 2% от тогдашнего населения СССР.

2 февраля 1930 года был издан приказ ОГПУ СССР № 44/21[14]. В нем говорилось, что «в целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь в районах сплошной коллективизации — в самое ближайшее время кулаку, особенно его богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесён сокрушительный удар».

Летним вечером 1930 года, в сумерки, в двери тихонько проскользнул Прохор, дальний Катин родственник, работающий в сельсовете. Катя улыбнулась, разгладила скатерть, потянулась к буфету, чтоб достать чайные чашки.

- Катя, не до чая, - быстро зашептал Прохор, - высылают вас из Крыма.

Катя от неожиданности села на табурет. Сердце давно чуяло: в покое их не оставят. Но это сообщение походило на приговор к расстрелу.

- Надолго? – она онемела и не знала, что спрашивать.

- Никто не знает. Думаю, ненадолго. Но не уверен. А давай, налей - ка мне, но не чаю, а покрепче чего.

Она вытащила из буфета бутылъ вина, похожую на длинношеюю гусыню, и два больших стакана.

- И то. Давай – чтоб уехали близко и вернулись быстро.

Прохор в несколько глотков выпил стакан. Катя сделала несколько глотков, и слезы показались по щекам, подбородку, шее.

- Ты, Катерина, спрячь, все ценное. С утра приедут уполномоченные из Феодосии, и начнется раскулачивание. Дадут два часа на сборы и на телегах отправят в Феодосию. А там- куда Бог пошлет и товарищи укажут. Еды возьми детям, одежду какую – нето. Вдруг до холодов не вернетесь.

- Спасибо, Проша.

Всю ночь Екатерина с ребятами не спали. Павел и Митрофан в огороде закопали с десятков мешков пшеницы. Все присыпали и сверху уложили доски. Катя положила золотые вещи в железную банку из-под чая, и сыновья прикопали и ее. Думали, что уедут не навсегда, что в Феодосии во всем разберутся, и к следующей посевной они точно будут дома. Уложили в мешки вещи и еду и сели ждать гостей. Они появились ровно в шесть утра, объявили о раскулачивании и дали два часа на сборы. Ватага уполномоченных обыскала двор, сарай, повытаскивала из дома все ценное, что спрятать было невозможно, вывели на веревке Зорьку. Та нашла глазами хозяйку, хотела было снова показать норы, но, увидев у телеги Екатерину с детьми и, словно почуяв, что и те сейчас будто на веревке, безвольно опустила голову. Катя отвернулась. Смотреть не было сил.

Тут из Бешкуртки с гиканьем подъехали крымские татары, которым уполномоченные дали добро на то, чтоб разобрать оставшееся имущество. Не пропадать же! Понаехавшие начали растаскивать бочки, инструмент, дуги, соленья, варения, копчености, которые уже нельзя взять с собой, не обращая внимание на то, что хозяйка еще во дворе и у них текут слезы.

Маруся на секундочку спустилась в погреб за салом. Там стоял Павлик.

- А ну, Маруся, отвернись! – приказал он.

- Еще чего? – взбрыкнула сестра.

- Отвернись, я сказал!

Он спустил штаны и помочился в бочку с квашеной капустой.

- Хрен им, а не капуста!

Ехали на телегах в Феодосию молча. У своротка в Коктебель Катя вспомнила поездки на море с родителями, а потом с мужем и детьми. Вспомнила, как она так же, как и ее родители, с вечера собирала корзины с едой, бутылками с водой и не только, все ставила в сарай на холод, а рано поутру детей, провиант, простыни укладывались в телеги, и все отправлялись в трехчасовое путешествие. Катя радовалась, что и у ее ребят будут такие же воспоминания детства, пропахшие сушеной рыбой, выброшенными в шторм водорослями, солью и загаром.

В одну из таких поездок лежавший в телеге Митрофан вскочил на ноги и закричал:

- Отец! Стой! Планеры!

Барановы остановились. С горы, которая сейчас называется Планерная, слетал планер. В чистом небе он парил, как птица, замирая на мгновение и снова взмывая, подхваченный

потоком ветра. Несколько минут все ошалело смотрели в небо. Потом мальчишки с отцом наперебой начали спорить, из чего он сделан, сколько он может пробыть в воздухе, начали махать простынями, чтоб обратить на себя внимание. Тогда сын сказал:

- Как здорово летать в небе! Я б тоже так хотел.

Это было тысячу лет назад. Сердце онемело в груди. Катя почувствовала: она сюда больше не вернется. Она часто - часто вдыхала засолоневший от приближающегося моря воздух, и слезы, наконец, снова беззвучно полились.

Маруся прижалась к Катиному плечу, поцеловала его, потом свернулась калачиком и уткнулась лицом в мягкий теплый мамин живот. Им обоим стало спокойнее. Ничего. Они, слава Богу, вместе. Это сейчас главное. Могло быть и хуже.

Маруся обнимала мамины колени и, закрыв глаза, сквозь плотно сжатые веки ловила еще не жаркое солнце. Картинка из ее памяти выплыла сама.

Ранним утром мать разбудила Марусю, чтобы та шла в сад собирать яблоки, которые нападали на землю за ночь.

- Почему не Пашка, а я? - сердилась Маруся, но вставала, гремела умывальником, и сон проходил.

- Потому что тебе осенью в школу. Ты у меня большая уже, - разглаживала Катя Марусины волосенки и заплетала их в косу. Дочка была одна среди парней, она ее баловала, как могла, старалась приласкать лишний раз, прижать и поцеловать. Любила петь с ней вечером под вишнями в саду, у Маруси был хороший голос.

Маруся брала корзину и шла в сад собирать яблоки. А они дурманили сладким медовым запахом, напоминавшим редко привозимые в сельский магазин конфеты. Она брала ровные, гладкие, атласные фрукты, долго держала в ладошках, поднимала к не палящему еще утреннему солнышку и смотрела сквозь просвечивающую мякоть, через которую видны были косточки. Как потом ей будет не хватать этих солнечных сладких конфетных запахов!

Повозка не торопясь увозила Барановых прочь от радостных мыслей.

Катя смотрела на поле, в котором паслось небольшое стадо коров. Она рассматривала их тощие бока, прицепившиеся шарики репейника, и вдруг мелькнуло еще одно неожиданное воспоминание, еще одна картинка, и горькая улыбка смягчила плотно сжатые губы.

У Барановых было два бычка – Полковник и Генерал. Полковник весной неожиданно пал. И от Генерала тоже не было толка: худой, малосильный, он все время работал с ленцой. Пахать на нем не было никакой возможности.

Каждую осень муж Кати колол скотину. Как правило, это был годовалый бычок. Но тут Генерал случайно пропорол брюхо на пастбище, и на этот раз под нож попадал он.

Для мероприятия всегда приглашался мужик по имени Тихон, который за один удар расправлялся с животным и пил бычью кровь сразу же после забоя. Но в эту осень его не было в поселке.

– Да, ладно, – успокоил Дмитрия Митрофанович сосед, – я не хуже Тихона справлюсь.

Решили стрелять из ружья, правда, подстраховавшись колуном. Выпустили быка в загон, привязали к изгороди. Сосед объяснил:

– Значит, так, я бью обухом колуна между рогов. Бык теряет сознание. В это время ты, Дмитрий, стреляй ему в ухо. Все. Дальше остается только перерезать горло и спустить кровь.

Сосед со всего маха ударил бедное животное по голове. Тот, вместо того чтобы потерять сознание, так рванулся от своих мучителей, что выворотил изгородь и, задрав хвост, бросился нарезать круги по загону.

Катя держала маленькую Марусю на руках, повернув личиком к себе, и прижимала лицом к себе в юбку стоящего рядом Павлика, плечики ребенка тряслись. Митрофан забился под стол, ожидая, когда рев с заднего двора прекратится. На рев быка к забору Барановых собрались

почти все соседские мужики. Кто с ужасом смотрел на метавшееся животное, кто с иронией на мужчин.

Наконец, Дмитрий Митрофанович все – таки сумел застрелить быка.

Целую неделю горе – забойщики были мишенью для шуток и издевок в деревне: и стрелок- то Дмитрий не меткий, и сосед-то слабак, и не брались бы они за непосильное для себя дело, и дождались бы Тихона, профессионала, коль сами в ремесле не смыслят. А Дмитрий с соседом всю последующую неделю запивали стресс незрелым виноградным...

В Феодосии Катю с детьми поселили в большом ангаре, бывшем здании заготзерно, недалеко от железнодорожных путей. Даже такое большое пространство не было рассчитано на огромное количество переселенцев. Семьи гудели, как в улье. Люди старались говорить тихо, но все равно вырывались нервные вскрики, плач детей, окрики матерей, пытавшихся быстро их успокоить, укачать на руках. Крик не прекращался ни на минуту. Тревога металась над головами.

Катя с ребятами прошла в закуток недалеко от двери.

- Чтобы было, чем дышать! – объяснила она детям и была права. Все пытались спрятаться в дальние углы, и там постепенно образовалась духота.

Они разложили мешки на застеленный соломой пол, положили одеяло, соорудили спальные места. На что – то большее просто не было места: или только стоять, или плотно друг к другу лежать. Посередине ангара занавесили импровизированный туалет. Помещение плохо проветривалось, и вонь периодически стояла невыносимая. Дети часто не терпели, когда за шторкой кто-то был, они присаживались и оправлялись прямо там, где и стояли. Через пять дней под соломой зашевелились черви.

В ангаре Катя увидела родных мужа – Барановых - братьев с их семьями, они ведь тоже родственники врага народа. Это была удача! Они объединились и старались всегда держаться рядом, чтоб их случайно не разделили. Из соседних деревень и хуторов переселялось много знакомых семей, таких же «врагов». В чужих местах хотелось быть всем вместе.

По утрам в баках привозили баланду, есть которую было невозможно. Она была серого цвета и пахла несвежей рыбой или кислой капустой. Брали ее сначала не все, у многих оставалась своя еда. Но на третьи – четвертые сутки очередь за прокисшей похлебкой все же выстроилась, к концу недели стояли уже все. Видимо, решили поэкономить продукты, так как люди не понимали, сколько им еще ждать в этом ангаре и сколько потом ехать. Пить людям давали, но о воде гигиенические нужды речь не шла. От жары у многих потрескались губы, руки, пятки.

Ждали отправления больше недели. У некоторых закралась надежда, что их вернут по домам. Разберутся, извинятся и распустят.

- Ишь, чего захотел! – огрызался старичок с жиденькой бородашкой – клинышком. – Не для того нас тут гноят.

- А что? – встрял мужичок в серой домотканой рубаше. - У нас в поселке есть Иван Сурин, он хоть и бедняк, а вступать в колхоз отказался. Не торопился записываться в артель. В сельсовете его уговаривали, как говорится, и кнутом, и пряником. И тут в «Правде» появилась статья Сталина «Головокружение от успехов». Как самый грамотный в деревне он прочитал эту статью мужикам, и те пришли к выводу, что вождь не одобряет действия властей насильно загонять крестьян в колхоз. Кто – то донес на смутьяна в органы. Приехал из района за ним энкавэдэшник, и забрали Сурина. По пути они заехали в соседнюю деревню и прихватили еще одного «агитатора». Можно представить, что они передумали и что пережили их семьи, ведь из тюрьмы, как правило, быстро не выпускают.

Но на этот раз мужикам повезло. То ли карательные органы побоялись давать срок за статью Сталина, то ли по какой другой причине, но после профилактических бесед и после того, как они накосили сено для лошадей райотдела НКВД, их отпустили по домам. И они не

стали испытывать судьбу – записались в колхоз. Вот такая история случилась, - закончил свой рассказ мужичок. – Так что все еще, может, обойдется.

Но не обошлось. Отправляли людей в эшелонах партиями. В первый товарняк загрузили людей до Красноярска. Второй – до Игарки. Катя с семьей ждала третий товарный поезд, отправившийся в Свердловск. Ехали пятнадцать дней. Иногда сутками ждали на больших станциях, когда эшелону разрешат тронуться дальше. Из числа спецпереселенцев назначался староста, который следил за порядком, сообщал, сколько стоять и где можно набрать кипятка, следил, чтоб все были на местах. Да и куда было бежать?

Места в товарном поезде был впритык: вытянуться в полный рост во сне нельзя – ноги упирались в чью-то голову или бок. Выбор, конечно, был. Захотел вытянуться – встань! Хочешь спать – свернись клубочком. Устал – сядь, поджав ноги.

Вагон не затихал ни на минуту, даже ночью кто-то вполголоса рассказывал про свою жизнь, а в ответ слушал другую, тихую, похожую историю: с коровами, морем, индюками, арбузами. Судьбы, достойные романов. Жаль, что никто не записал их. Можно только вспомнить, что случайно рассказывали старики об этих ночных беседах.

- И захочешь сбежать отсюда, да заплутаешь, - тоскливо проговорила сама себе Катерина, глядя в приоткрытую дверь вагона на густые леса без просветов и тропок.

Жара стояла невыносимая, все время хотелось дышать сосновым освежающим воздухом.

- А куда бежать, милая? Всю жизнь потом волком жить? От людей прятаться? – прошептала лежащая рядом с Барановыми женщина. – У нас вот случай был не так давно. Сбежал один... На заседании правления нашего колхоза обсуждалась директива о том, как бы району еще увеличить налоги по молоку, по яйцам, шерсти и коже. Все знали, что все эти планы нереальные, но молчали – уж слишком был памятен пример с селянкой Анной Мазур. Была у нас такая. Ее осудили на десять лет лагерей только за то, что открыто усомнилась в справедливости советских судов.

Высказался против лишь один бригадир Антон Лекаев.

- Раньше при царе носили штаны и рубашку, сало ели. А Советская власть сначала шерсть сострижет, потом шкуру облупит! И так уже ни с чем остались!

Выходку Лекаева земляки, вроде бы, мимо ушей пропустили. Зато антисоветское высказывание не мог простить местный «прокурор» - такое прозвище имел в деревне осведомитель НКВД – он и донес в органы. Лекаева арестовали. Бабы, которые пришли его провожать, норовили положить в котомку что –нибудь из съестного. Он же попросил отдать продукты детям.

-Как-никак на казенное довольствие становлюсь, - мрачно пошутил Антон.

Уезжал арестованный с тяжелым сердцем прежде всего потому, что теперь не сможет вырастить детей. Но все же о своем выступлении на правлении колхоза не жалел – он не мог промолчать.

Суд состоялся быстро. Лекаеву дали восемь лет лагерей. Привезли на зону. Его поразило, как много находилось людей за колючей проволокой. Тысячи! Сидели, как выяснил позже, за «политику», точнее - «за язык», как и он. А один чудаковатый умудрился получить срок лишь за то, что спародировал речь товарища Сталина: пришел старичок в рваной фуфайке, подпоясанной веревкой, в колхозную контору, посмотрел на портрет вождя в шинели, кашлянул, так же выпятив грудь, засунул руку за отворот своей одежки, вытянул руку с мнимой курительной трубкой и, имитируя грузинский акцент, произнес:

- Я до вас доберусь, бездельники.

Люди засмеялись. А власти оценили эту пародию десятью годами заключения.

В лагере заключенные волоком вытаскивали бревна из леса до эстакады, там загружали в вагонетки, в которые сами и впрягались, и под охраной конвоиров доставляли их на территорию зоны. Труд был каторжный, кормили их баландой, как нас в том ангаре: вонючий суп, жидкая каша, не поймешь, из чего все приготовлено. Люди слабели и умирали.

Однажды осенью Антон увидел, как доведенный до отчаяния зэк рванул на другой берег прямо по бревнам, забившим русло реки. Дело это было безрассудное и безнадежное. Мокрые лесины крутились под ногами, зэк несколько раз поскальзывался и едва не оказывался заживо погребенным в воде. Охранники кричали: «Стой!», но заключенный команде не подчинился, и они начали стрелять. Беглец упал.

Один из охранников проложил поперек бревен доски, осторожно добрался до убитого и, привязав за ноги веревку, вернулся обратно. Зека так и вытащили волоком, привязанного за ногу веревкой. Кора лесин обшаркивала кожу с лица, рук, спины, с которой была сорвана одежда. Подоспевший начальник лагеря сказал, что такая участь ждет каждого, кто решится на побег. Так и тянулись однообразные, заполненные тяжелой работой и зверским ощущением страха и голода дни, недели, месяцы.

Но однажды Лекаева вызвали к начальнику, не самому главному, а к тому, что чином пониже. Антон не мог понять: зачем? Офицер полистал лежащее перед ним тощенькое дело Лекаева и вдруг поинтересовался:

- Семейку повидать хочешь?
- Кто ж откажется, гражданин начальник? – обалдел от предложения Лекаев.
- Даю тебе увольнительную, а ты дай слово, что не сбежишь, - сказал начальник.
- Обещаю вернуться вовремя, - заверил его Антон.

Произошедшее оказалось загадкой для Лекаева. По дороге домой, а это сто двадцать километров от лагеря до деревни, он не раз прокручивал в мыслях события прошедших и дней и разговор с начальником, пытался понять, почему отпустили. Может, у гражданина начальника тоже большая семья, и он посочувствовал многодетному отцу? А может, он знает, что Антон Лекаев, хоть и не согласный с властью, никакой не враг народа? Вот и поверил. Впрочем, эти рассуждения не успокаивали. За время, проведенное в лагере, он хорошо усвоил зэковское правило: «никого не бойся, ни о чем не проси, никому не верь». Шевельнулось подозрение, что за «доброту» надо платить. А вдруг его...? Но эту мысль он сразу отогнал.

Дома он помылся в баньке, отведал домашнего харча, всласть поговорил с женой и детьми и отправился обратно в лагерь. Слово ведь дал вернуться вовремя в зону, надо его держать.

- Вернулся – это похвально! – встретил его начальник. - Ну, как семья? Как деревня? Что говорят между собой земляки? Верят ли в Советскую власть?

«Вот и становится все на свои места, - тоскливо подумал Лекаев».

Из него хотят сделать стукача. Зэки мрут, их ряды надо пополнять. Антон отвечал, что семья, слава Богу, здорова. А с деревенскими он пообщаться не успел – времени было всего три дня с дорогой.

- Ничего, в другой раз побеседуешь. Времени будет больше, - пообещал начальник.

И, действительно, спустя какое – то время Лекаев вновь получил увольнительную. На этот раз он твердо решил не возвращаться в лагерь. Пообщавшись с женой и детьми, он всех крепко поцеловал и сказал, чтобы жили дружно. Он вернется к ним, когда его перестанут искать.

Искать его приезжали несколько раз, но все безуспешно. Мы, соседи, даже если что и замечали, помалкивали. Сразу все забывали. Мы помнили смелое высказывание земляка на заседании правления колхоза. В душе каждый одобрял его поступок. Мы б так не смогли.

- Чем закончилась эта история? - спросила Катя рассказчицу.

- Не знаю, пока ничем не закончилась, - ответила товарка, подкладывая косынку под щеку и укладываясь. - Меня и мою семью раскулачили, и вот мы с вами едем в неизвестность.

Глава 5. Афиногенов

На столе полномочного представителя ОГПУ по Свердловской области лежала тоненькая серая папка с еще чистыми шелковистыми завязками - личное дело Николая. «Афиногенов Николай Александрович, 1895 года рождения...»

В кабинет постучал секретарь.

- Товарищ председатель, Афиногенов ждет в коридоре.
- Приглашайте, - не поднимая головы, ответил Рекотов.

В кабинет медленно, широко расставляя ноги, вошел высокий худой, жилистый человек.

- Афиногенов по вашему приказанию прибыл! – глухо и четко проговорил вошедший.
- Здравствуйте, Афиногенов. Присаживайтесь, - указал полномочный на освещенное настольной лампой место возле огромного пустого стола, покрытого зеленым сукном, на котором лежала только серая жиденькая папочка.

Афиногенов, оглядываясь, присел на стул и поджал ноги.

- Ну, как Вам служится у нас, Николай Александрович? – спросил Рекотов.

Он разглядывал посетителя – светловолосого, коротко стриженного мужчину с чистым белым лицом без морщин и небольшими рыжеватыми усиками и рыжеватыми бровями и ресницами. «Надо же, не мальчик, а морщин нет», - подумал хозяин кабинета.

- Спасибо. Хорошо, - бодро ответил Николай.
- Да. Начальник лагеря Вас хвалит. Инициативный. Исполнительный. Выдержанный.
- Спасибо, - снова коротко ответил тот.
- Ну, хорошо. Вот что, Николай Александрович, - помедлил Рекотов. – У вас хорошая биография, в Армии служили в стрелковом полку. Теперь вот у нас. Нам нужен человек на новый участок.

- Куда? – настороженно спросил Николай.

- Недалеко отсюда. Знаешь поселок Старая Сосьва?

- Конечно. Ездил туда за клюквой. Болота вокруг бескрайние.

- Так вот, за Старой Сосьвой организуется поселение для спецпереселенцев, нужен комендант. У тебя прекрасный послужной список, к тому же, ты член ВКПб. А коммунисты на этом участке работы необходимы, как воздух. Кто как не они должны проводить в жизни политику партии и правительства, перевоспитывать несознательную часть нашего населения.

- А как с жильем? – Николай в упор посмотрел на начальника.

- Пока никак. Придется пожить во временке. Построят дом, перевезешь семью.

Афиногенов не понаслышке знал, кто такие спецпереселенцы. Дальние родственники попали под эту категорию советских людей, были высланы как кулаки в один из Архангельских лесопунктов.

- Можно я с женой посоветуюсь?

- А зачем? Этот вопрос решен в Управлении кадров областного НКВД, так что не советую с кем бы то ни было обсуждать свое новое назначение. Ты большевик или нет?

- Большевик!

- Вот и хорошо, успехов тебе на новой службе! - и Рекотов встал, всем видом показывая, что разговор окончен...

Вернувшись в таежный поселок после службы в Красной армии, куда он попал в 1925 после Закона «Об обязательной военной службе», принятого 18 сентября 1925 года, Николай женился на девушке, которая его ждала, и пошел жить к своей Марии – дома было тесно. Некоторые сельчане не советовали Николаю брать в жены Марию.

- Ты замечал, какая у нее одышка? – говорили отдельные «доброжелатели». – Значит, сердце больное.

Подобные разговоры Николай пресекал, не хотел объяснить каждому, как любит Марию. Они и походили друг на друга- оба высокие, с рыжинкой в волосах. Вскоре у них родилась дочка, которую называли Светочкой. А как еще? Конопушки на светлом личике, такие же завитушки чуть рыжеватых волос, как у матери. В доме с появлением Светочки тоже стало светло. Николай много работал, и дома почти все было на нем – только бы жена не перетрудилась!..

Мария угасала медленно. В то время не было в таежной глубинке специалистов, которые могли бы исцелить от порока сердца. Несколько счастливых лет, дарованных им судьбой, пролетели, как мгновение. Марии не стало. Николай с дочкой остался один. Перед смертью она дала наказ мужу, чтобы через год взял в жены ее подругу Шуру, которая жила на узловой станции. Дочке нужна мать. Он так и поступил, тем более знал, что всегда нравился Шуре. Мария, видимо, догадывалась о ее отношении к Николаю и считала, что та будет хорошей женой ему. Любви никакой не было, но Шуре давно надо было замуж, а женихи в очередь к ней не стояли, хотя Шура была отличной хозяйкой: чистоплотной, скорой на руку. Могла делать несколько дел одновременно. Все у нее было легко и с улыбкой.

Шура рассудила, что Светочке с Николаем лучше перебраться к ней: и дом большой и новый, и школа в двух шагах. Да и как женщина без любимой печи? На новом месте Николай стал искать работу. Можно было устроиться слесарем в локомотивное депо. Сходил туда – не понравилось. Кругом грязь, мазут, да и зарплата не очень высокая. Мало платили и на другой работе – погрузке вагонов пиломатериалами. И тут знакомый мужчина предложил обратиться в местное управление исправительно – трудовых лагерей. Оклад здесь хотя и был скромным, но выдавались обмундирование и месячный паек. Эти условия были привлекательнее, чем в других местах. Так Николай стал сотрудником НКВД. Через месяц Шура с дочкой переехали в служебное жилье, которое находилось в десяти километрах от узловой станции, пришлось – таки Шуре поменять свою кухню на казенную. Стали обустраиваться на новом месте, но свой дом они пока заколотили на случай возвращения.

По соседству с жилыми домами был забор с колючей проволокой. Увидев его, Шура сказала:

- Давай обратно вернемся, здесь же зона. Я за тебя боюсь, Коленька. Опасно ведь с эками.

- Да, есть здесь и убийцы, и негодяи, и грабители, а сколько невинных, которые сидят за горсточку зерна или неосторожно сказанное слово. Есть среди них и спецпереселенцы, которые от голодухи и худой одежды нарушили режим пребывания в поселении, чтобы выжить. Получилось, как говорится, «из огня да в полымя». Не все люди плохие.

К этой теме больше не возвращались. Жизнь шла своим чередом. Шура оказалась идеальной женой и хорошей матерью для дочки. Как – то Света напроказничала в школе. Николай сгоряча хотел ее отшлепать. Мачеха закрыла ее собой.

- Меня ударь, но девочку бить не позволю, - твердо произнесла она. Светочка крепко прижалась к мачехиной спине, обняла ее за талию и зажмурила глаза.

Николай тут же успокоился. Приятно было, что его кровинушку так самоотверженно защищают. Не мог он поначалу нарадоваться на Александру. Иногда приходил со службы усталый, злой, как черт, а скажет жена несколько ласковых слов – и он уже улыбался. Не даром же говорится: «Не нужен и клад, если в семье лад». Вскоре дочка стала называть Шуру мамой.

Заклученные уважали Николая за его справедливость и в отсутствие начальства называли по имени – отчеству. Еще в начале службы, зайдя в барак, он увидел игроков в карты. За нарушение режима им полагался штрафной изолятор. Он забрал колоду, предупредив, чтобы подобное не повторялось. Рапорт начальству писать не стал. В следующий раз, увидев ту же самую картину, он сгреб главного закоперщика в охапку и бросил на пол.

- Я ведь, подлюка, знаю, что у вас игра идет не в дурака, а на пайку, а может, даже на жизнь человека. Еще раз увижу – не миновать штрафного изолятора. А там сам знаешь – только кусок хлеба и вода на пару недель. Был у нас уговор? Был?

Поднявшись, зэк сказал:

- Был, начальник.

- Обманул, шельмец! Нет тебе веры.

- Мы тебя, гражданин старший сержант, уважаем. Все, больше подобного не случится.

И, действительно, в дальнейшем в его дежурство эки в карты не играли.

Однажды ночью в караульное помещение, где службу нес Николай, ворвался заключенный. Руки были в крови.

- Начальник, сдаваться пришел, - закричал он, - только что я забил негодяя! Спрячь от расправы.

- Ты шутишь? – изумился Николай.

- Какое тут...

- За что забил?

- Издевался надо мной постоянно, данью обложил. Недавно сказал, что поставил мою жизнь на кон. Такое он уже исполнял с другими сидельцами.

- Сядь. Остынь.

Николай по телефону связался с дежурным по отряду. Убийцу сначала посадили в одиночный штрафной изолятор, а затем переправили в другое место. Был суд. На нем Николай выступил в качестве свидетеля, дал объективную оценку случившейся трагедии. Ведь, мол, забить могли его, вот и не выдержала психика... С учетом смягчающих обстоятельств к имеющему сроку ему добавили всего пять лет. Могло быть гораздо хуже. Николай был доволен и своим защитительным словом, и приговором. И начальство на него посмотрело по-другому.

С «политическими» лагерная охрана горя не знала. Люди были спокойные, дисциплинированные, добросовестно трудились на порученных участках. А вот когда к ним руководство стало подселать уголовников, обстановка резко ухудшилась. В отрядах начались драки, издевательства. Не сработал московский план воспитания воров и убийц.

Как – то потребовалось одного из воров в тюрьму отправить. А подступиться к нему было не так – то просто. Он забрался на верхние нары в бараке и стал топором размахивать. Позвали Николая. Тот не стал уговаривать уголовника сдаться, а выдернул доску, которая удерживала нары в вертикальном положении. Строение завалилось, преступник в мгновение ока оказался на полу. Тут его и скрутили.

Весной Афиногенова вызвал к себе начальник лагеря.

- Такое дело, Афиногенов. Тебя в Свердловск вызывают, - как-то робко сообщил полковник.

После вызова в Свердловск и после разговора с полномочным представителем ОГПУ по Свердловской области Рекотовым Николай Афиногенов капитаном отправился на новое место. Здесь уже находились несколько десятков семей переселенцев, получивших вечное клеймо «кулаков», в просторечии врагов народа. Это были крестьяне из Центральной России, с Украины, с Кавказа, из Крыма, Удмуртии, Марийской и Татарской АССР, из Вятской, Пермской и Уральской областей. Жили в палатках и шалашах, в овощехранилищах, которые были обильно продезинфицированы карболкой. Накануне ему поступило распоряжение:

- Давай, Афиногенов. Обеспечь условия - руководство боится эпидемии холеры. Проводи дезинфекцию. Бери все в свои руки на подведомственном тебе участке.

Николай с подчиненными начал дезинфицировать фенолом и хлором все помещения, боясь распространения заразы. Дети плакали от едкого хлора. Нары в овощехранилище были в четыре яруса. Дети не слезали с них из-за тесноты. На одного человека места было ровно столько, чтобы лежать на одном боку. Кухни не было. Но очаг был. Варили на костре, на улице. И столов не было, ели на нарах сидя.

Через месяц привезли еще две сотни спецпоселенцев. Осень была не за горами. Нужно было как – то определять их с жильем. Афиногенов приказал всем, кто мог держать в руках пилу и топор, строить бараки, а нескольким бригадам крепких мужиков поручил рыть землянки. Он ежедневно распределял рабочую силу, следил за порядком, по его приказу бригады проводили проверки людей: всё ли на месте, не сбежал ли кто. К зиме в поселке соору-

жен был целый лагерь из 50 землянок, тем не менее, проблема с жильем оставалась острой. Встречаясь с людьми, комендант не скрывал трудностей:

- Здесь вам не курорт с полным пансионом - жилье для себя строите сами, - говорил Николай.

Люди спокойно относились к словам Афиногенова. Один за другим вырастали бараки. Но и в бараках было не лучше, чем в землянках. Ранние холода не дали должным образом обустроить жилища. К тому же люди постоянно прибывали и прибывали. Их надо было куда – то размещать. Чтобы хоть как – то утеплить помещение, в бараках устанавливали несколько круглых железных буржеек, которые, хоть и топились круглосуточно, тепла давали мало. Люди спали одетыми. Постепенно мужики ходили вокруг бараков, затыкали щели между бревнами, утепляли жилище.

Вскоре Николаю от руководства НКВД поступило еще распоряжение.

- Новая задача, Афиногенов, - серьезно и назидательно, словно отчитывая за провинность, проговаривал уполномоченный. - Нужно организовать на лесопункте производство лыжных палок, березовых заготовок для ружейных прикладов, топорищ и лопат.

Одновременно с этим обязали добывать пихтовое масло. Для этого спецпоселенцы построили деревянное помещение. В нем сложили длинную печь и установили большой котел.

Процесс добычи пихтового масла был длительным и трудоемким. Работали в три смены. От ствола пихты отделялись хвойные лапы. Они измельчались и загружались в чан. Туда поступал раскаленный пар из котла. Через три часа из чана в холодильник начинала поступать маслянисто - паровая смесь. Конденсат отстаивался и фильтровался. Для добычи, например, пяти-сот миллилитров масла, требовалось 100 килограммов сырья. Трудно представить, сколько ссыльному за смену приходилось махать топором, чтобы выполнить задание. Не все выдерживали этот каторжный труд. Пихтовое масло потом отправлялось на заводы фармацевтической промышленности для изготовления медицинских препаратов. Использовалось оно и в парфюмерной промышленности. Кстати, одним из составляющих компонентов популярных духов «Красная Москва» было пихтовое масло.

Весной вблизи лесоучастка геологи обнаружили залежи марганцевой руды. Районное руководство НКВД приказало туда перебросить большую часть спецпоселенцев для разработки этого ценного месторождения.

Бывшие кулаки и репрессированные долбили породу кирками, глядя на белый свет сквозь свод шурфов, и думали о свободе. Наверху находились воротовщицы, которые вытаскивая бадьи с рудой. Визжали лебедки, ухали бадьи с породой. Ее сначала сгребали гребками в тазики, оттуда - в севки-носилки, чтобы доставить в вагон.

Василий Махнев, переселенец из Белоруссии, после трудового дня ночами при свете лучины плел лапти, потом у местных жителей обменивал их на отруби, которыми кормилась его семья. Однажды рано утром его жена Дарья Махнева пошла к роднику за водой и увидела, что на переезде около полотна лежит сбита паровозом лошадь. Забыв про воду, она бегом вернулась домой. Новость мигом облетела все три барака. Вооружившись топором и ножами, спецпоселенцы побежали к лошади - это был подарок судьбы, надежда на выживание. Над тушей лошади работали всем, чем придется. Через полчаса от нее не осталось и следа. Все, что удалось срезать, унесли домой. У людей появилась надежда, что дотянут до спасительного лета. Люди только позже задались вопросами: «Откуда тут взялась лошадь? Кому принадлежала?»

Вместе с вопросами пришла новая волна страха. На следующее утро перед бараками появились двое военных, которые искали пропавшую лошадь. Они были из воинской части, которая находилась неподалеку. Военные стали спрашивать о лошади, называть приметы. Было понятно, что именно она ночью была сбита паровозом. Николая подняли до зари. Он понимал, что появление военных не сулило ничего хорошего, все закончилось бы уголовным делом. Он пытался как-то расположить военных, смягчить их тон. Видя всю серьезность положения, люди

признали свою вину и попросили о снисхождении. Военные неожиданно смягчились, отнеслись с пониманием к этой истории. Они положили в мешок копыта с подковами и удалились в расположение воинской части.

Глава 6.

Справка. Кулацкая ссылка в Надеждинском (Серовском) районе Свердловской области в 30-е гг.

Главными районами кулацкой ссылки стали Урал, Сибирь и Северный край. Выселение раскулаченных в районы Северного Урала было спланировано на вторую половину зимы 1930 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.